
REFLEXIO

Научный психологический журнал

Основан в 2007 году

2023. Том 16, № 2

СОДЕРЖАНИЕ

Психологические исследования

Пак В. В., Шабалин А. П. Связь аутистических черт и когнитивно-стилевых особенностей 5

Психологический инструментарий

Злобина М. В. Оценка психометрических характеристик шкалы конформности А. Меграбяна и К. Стелф 29

Дорошева Е. А. Разработка и апробация опросника мыслительного потока 43

Педагогическая психология

Полынская И. Н. Формирование цветового восприятия как психолого-педагогическая проблема обучения изобразительному искусству школьников 59

Олейникова Е. Н., Полынская И. Н. Развитие пространственного мышления у школьников на уроках технологии 66

Проба пера

Подвойская Д. Р. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и атрибутивного стиля 73

Приблуда А. В. Особенности использования схема-терапии в лечении депрессии 90

Информация для авторов 101

REFLEXIO

Scientific Journal

Founded in 2007

2023. Volume 16, issue 2

Contents

Psychological Research

- Pak V. V., Shabalin A. P.* Relationship between Autistic Traits and Cognitive-Stylistic Features 5

Psychological Instruments

- Zlobina M. V.* Psychometric Properties of the Conformity Scale (A. Mehrabian and C. Stelf) 29

- Dorosheva E. A.* Development and Adaptation of Thought Stream Questionnaire 43

Pedagogical Psychology

- Polynskaya I. N.* Formation of Color Perception as a Psychological and Pedagogical Problem of Teaching Fine Arts for Schoolchildren 59

- Oleynikova E. N., Polynskaya I. N.* Development of Spatial Thinking in Schoolchildren in Technology Lessons 66

First Steps

- Podvoyskaya D. R.* The Relationship between Emotional Intelligence and Attributional Style 73

- Pribluda A. V.* The Features of Using Schema Therapy in the Treatment of Depression 90

- Instructions for Authors** 101

Научная статья

УДК 159.9

DOI 10.25205/2658-4506-2023-16-2-5-28

**Связь аутистических черт
и когнитивно-стилевых особенностей**

**Валерия Витальевна Пак¹
Алексей Павлович Шабалин²**

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

¹pakvaleria1707@gmail.com

²a.shabalin3@g.nsu.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению специфики функционирования когнитивной сферы у лиц с выраженными аутистическими тенденциями через призму когнитивно-стилевого подхода, обеспечивающего более целостный взгляд на проблему организации познавательной деятельности при расстройствах аутистического спектра, нежели рассмотрение исключительно в терминах выявляемых дефицитов. Результаты проведенного эмпирического исследования свидетельствуют о наличии прямых связей между выраженностью различных аспектов аутистических проявлений и такими полюсами когнитивных стилей, как полнезависимость, ригидный познавательный контроль, рефлексивность, конкретная концептуализация и узкий диапазон эквивалентности; вопросы о связи аутистических тенденций с толерантностью к нереалистическому опыту, а также о принадлежности к полюсу аналитичности или холистичности требуют уточнений. В целом полученные данные согласуются с теорией слабой центральной когерентности, предполагая фрагментарность познавательного «поля» у лиц с выраженными аутистическими чертами, сопровождающуюся высокой ригидностью, дихотомическим мышлением, тенденцией к построению конкретных ментальных репрезентаций и независимостью от контекста.

Ключевые слова

расстройства аутистического спектра (РАС), когнитивные стили

Для цитирования

Пак В. В., Шабалин А. П. Связь аутистических черт и когнитивно-стилевых особенностей // Reflexio. 2023. Т. 16, № 2. С. 5–28. DOI 10.25205/2658-4506-2023-16-2-5-28

© Пак В. В., Шабалин А. П., 2023

Relationship between Autistic Traits and Cognitive-Stylistic Features

Valeriya V. Pak¹, Alexey P. Shabalin²

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

¹pakvaleria1707@gmail.com

²a.shabalin3@g.nsu.ru

Abstract

This article investigates the specifics of cognitive sphere functioning in individuals with pronounced autistic tendencies through the prism of the cognitive-style approach, which provides a more holistic view on the problem of cognitive activity organization in autism spectrum disorders than identified deficits consideration only. The results of the empirical study indicate the presence of direct links between the severity of various aspects of autistic manifestations and such poles of cognitive styles as field independence, cognitive control rigidity, reflexivity, concrete conceptualization and a narrow range of equivalence; questions about the relationship of autistic tendencies with tolerance for unrealistic experiences and belonging to either analyticity or holism pole require further clarification. Overall, the findings are consistent with the weak central coherence theory, suggesting that a fragmented cognitive “field” is inherent in individuals with pronounced autistic traits, accompanied by high rigidity, dichotomous thinking, a tendency to construct concrete mental representations, and context independence.

Keywords

autistic spectrum disorders (ASD), cognitive styles

For citation

Pak V. V., Shabalin A. P. Relationship between Autistic Traits and Cognitive-Stylistic Features. *Reflexio*, 2023, vol. 16, no. 2, pp. 5–28. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2023-16-2-5-28

Не подлежит сомнению, что актуальность проблемы расстройств аутистического спектра (РАС) в последние годы неуклонно возрастает по мере повышения распространенности данной группы нозологий. Так, по данным ВОЗ за 2018 г., количество лиц с диагнозом РАС составляет от 30 до 116 человек на 10 тысяч человек для стран Европы и от 34 до 90 человек на 10 тысяч человек для США [Simashkova et al., 2019]; согласно же данным систематического обзора от 2022 г., медианная распространенность РАС по всему миру составляет 100 человек на 10 тысяч, при этом две трети случаев не сопровождается нарушениями интеллекта [Zeidan et al., 2022]. Весьма примечательной является складывающаяся тенденция к расхождению взглядов на РАС: представлениям об аутизме исключительно как дефицитарности в когнитивном и социальном функционировании противостоит подход, согласно которому аутичность может рассматриваться как некая особенность когнитивной сферы [Наррэ, 1999], далеко не всегда приводящая к снижению креативной

способности и абстрактного мышления [Ridley, Homewood, Walters, 2011], или даже как отдельный личностный фактор наряду с другими факторами Big Five [Wakabayashi, Baron-Cohen, Wheelwright, 2006]. Не придерживаясь сколько-нибудь радикальных позиций и не отрицая существования дефицитов в познавательной сфере у лиц с РАС, трудно тем не менее не согласиться с тем, что расширение области знаний, связанной со спецификой когнитивной деятельности при РАС, выделение и описание тех особенностей когнитивной сферы, которые являются потенциальным ресурсом для адаптации, вхождения в социум, представляется крайне продуктивным в контексте организации образовательных программ, программ психокоррекции и психологического консультирования для аутичных людей с сохранным интеллектом. Соответственно, настоящее исследование призвано внести вклад в изучение вопроса о связи аутистических тенденций (как на «клиническом», так и выраженном «субклиническом» уровне) с особенностями когнитивной деятельности, акцентируя внимание на когнитивно-стилевых особенностях.

Аутизм: взгляд со стороны познания

Расстройства аутистического спектра принято определять как расстройства психологического развития, характеризующиеся широким спектром проявляющихся нарушений психической деятельности и дисгармоничностью их структуры [Лебединский, 2003]; согласно МКБ-10, к диагностическим критериям РАС относятся дефициты социальной и коммуникативной сферы, отставание в развитии языка и речи, стереотипии и манеризмы [World Health Organization, 1993]; в DSM-V, где под общим ярлыком «расстройство аутистического спектра» были объединены аутизм, синдром Аспергера, детское дезинтегративное расстройство и первазивное расстройство развития без дополнительных уточнений, в качестве диагностических критериев также выделяются дефициты социальной и коммуникативной сфер, стереотипии и манеризмы [American Psychiatric Association, 2013].

Данные критерии по очевидным причинам не затрагивают ряд специфических явлений в области познавательной деятельности, присущих РАС и, вероятно, играющих огромную роль в формировании характерных поведенческих проявлений. В первую очередь, к таким когнитивным особенностям можно отнести склонность людей с расстройством аутистического спектра к систематизации, находящую свое проявление в тенденции обращать внимание на мелкие детали. На данный момент нет единого мнения относительно того, является ли это отдельной и независимой когнитивной особенностью или же следствием сенсорной гиперчувствительности [Ploeger, Galis, 2011]. В исследовании Саймона Барона-Козна приводятся доказательства в пользу того, что гиперсистематизация проявляется у людей с РАС именно как особенность некоего когнитивного стиля [Baron-Cohen et al., 2009]. Примечательно, что несмотря на высокую склонность к систематизации, у лиц с РАС отме-

чается ослабление способности к категоризации; для формирования единой категории они чаще выделяют простые признаки, а в случаях, когда основание категоризации характеризуется высокой сложностью или неочевидностью, возникают затруднения [Gastgeb, Strauss, Minshew, 2006]. Если принять во внимание, что категоризация снижает нагрузку на память, позволяя сосредоточиваться на важных аспектах объектов и игнорировать несущественные детали, очевидно значительное негативное влияние данной особенности на способность к решению задач. Кроме того, к вопросу о способности к категоризации относится выявленная у людей с РАС неспособность выделять прототипы, проявляющаяся даже у высокофункциональных взрослых; также лица с РАС чаще оказываются неспособны абстрагироваться от уже существующих прототипов или усредненных представлений о характеристиках категории [Ibid.]

Утверждается, что люди с РАС, фокусируясь на деталях, демонстрируют признаки слабой центральной когерентности, приводящей к тому, что информация обрабатывается сегментарно или частично [Thurber, Sheehan, Valtinson, 2007]. Сам термин «сильная центральная когерентность», как его понимает Ута Фрит, отсылает к стратегии восприятия предметов и явлений целостно (как «гештальт»), глобально, учитывая более широкий контекст; аутичные люди в меньшей степени проявляют подобный способ переработки информации [Frith, 2008]. Вышеозначенные особенности могут лежать в основе таких симптомов РАС, как стремление к единообразию, нетерпимость к изменениям и внимание к частям, а не целому [Booth, Happé, 2010]. Интересно, что с другой стороны, эти черты могут стать основой для развития высоких способностей к анализу и синтезу, логическим рассуждениям и формированию понятий в рамках определенного вида задач [Thurber, Sheehan, Valtinson, 2007].

Еще одной существенной особенностью когнитивной сферы при РАС, описанной в литературе, является нарушение навыков планирования, выражающееся в том, что при решении задач аутичные люди не вырабатывают стратегию предварительно. Как правило, изначально они действуют в соответствии с предыдущим опытом, и лишь при несостоятельности сложившегося ранее способа происходит формирование стратегии решения стоящей перед ними задачи. Тем не менее сам процесс планирования у людей с РАС может носить сокращенный характер; зачастую используется метод «проб и ошибок». Проведенные исследования указывают на то, что навыки планирования и когнитивная гибкость улучшаются с возрастом [Robinson et al., 2009]. К области исполнительных функций относится также снижение способности к самоконтролю с помощью обратной связи для подавления доминантной реакции. Иными словами, при РАС ослаблена способность к торможению сигнала, кодирующего ранее сгенерированную реакцию; это обуславливает дефицит исполнительных функций, приводящий к тенденции совершать персеверативные ошибки [Ibid.].

В сфере самоотнесенного познания аутичные люди проявляют сниженную способность осознавать, дифференцировать и контролировать эмоцио-

нальные проявления. Взрослые с РАС сообщают о высоком уровне алекситимии и о трудностях с идентификацией собственных эмоциональных состояний [Garfinkel et al., 2016; Huggins et al., 2021]. Что касается памяти, то эпизодическая (автобиографическая) память людей с РАС, как отмечается в ряде исследований, зачастую функционирует атипично: она фрагментирована, что затрудняет доступ к «личным событиям», отличается большей скудностью на феноменологическом уровне, менее организована вокруг собственных целей и с меньшей вероятностью извлекается «от первого лица», эффект самореференции оказывается более низким, а социально значимые аспекты происходящих событий с меньшей вероятностью подлежат сохранению [Cooper et al., 2016; Wantzen et al., 2021]. Разумно предположить, что это неизбежно влечет за собой последствия для построения некоего интегративного представления о себе, самовосприятия и т. п.

Наконец, отметим, что особенности когнитивного функционирования рассматриваются и в качестве одной из причин, объясняющей имеющиеся у людей с РАС трудности в понимании эмоциональных и психических состояний других лиц: предполагается, что последние могут быть обусловлены проблемами в интеграции кросс-модальной информации, т. е. неспособностью одновременно учитывать два источника информации разной модальности, что необходимо для понимания других (учет ситуативного контекста, интонаций, мимики и т. д.) [Thurber, Sheehan, Valtinson, 2007]. Данная гипотеза дополняется предположением о том, что как социально-коммуникативные, так и поведенческие нарушения при РАС могут быть обусловлены интолерантностью к неопределенности: сложное, динамичное, непредсказуемое является источником стресса, провоцирующего выбор стратегии избегания (в случае социального взаимодействия) или «навязывания» окружающему миру мнимого постоянства (в случае ограниченных интересов, а также стереотипных и повторяющихся паттернов поведения) [Rodgers et al., 2012; Goodwin, Mosner, Dichter, 2019; Шабалин, Первушина, 2023].

Подытоживая вышеизложенное, заметим, что рассмотрение РАС через призму специфики функционирования механизмов познания представляется крайне продуктивным, поскольку дает возможность построения объяснительных теоретических схем, что является важным дополнением к взгляду исключительно со стороны этиологии, симптоматологии или описания поведенческих реакций.

Континуальный подход к РАС, аутистические черты и широкий фенотип

В контексте настоящего исследования следует также затронуть понятие «аутистические черты».

Опираясь на результаты своих исследований, Саймон Барон-Коэн предложил рассматривать аутистические состояния как расположенные на контину-

нууме социально-коммуникативных навыков. Противоположными полюсами данного континуума в таком случае можно считать условную норму (как полное отсутствие каких-либо характерных для аутизма проявлений) и наиболее тяжелые формы РАС соответственно [Baron-Cohen et al., 2001]. Это означает, что и «неклинической» выборке (т. е. лицам, не обладающим формальным диагнозом РАС) могут быть присущи некоторые проявления, характерные для лиц с аутизмом – то, что и обозначается как «аутистические черты». Как упоминалось ранее, «экстремальная» трактовка данной идеи не просто постулирует возможность наличия таких черт у людей без диагностированных расстройств аутистического спектра, а предполагает признание аутичности как некоего универсального личностного измерения, присущего всем индивидам в популяции – аналогично факторам Big Five [Wakabayashi, Baron-Cohen, Wheelwright, 2006]. Сложно согласиться с настолько радикальным представлением, размывающим понятие РАС; однако сама идея аутистических черт представляется достаточно продуктивной в контексте возможности ухода от «дискретного» категориального диагноза к количественному подходу, связанному с оценкой большей или меньшей степени выраженности аутистических проявлений. Последний, в свою очередь, обретает смысл в свете проблемы широкого фенотипа аутизма.

Широкий фенотип РАС определяется как пограничное, «подпороговое» состояние, для которого характерно наличие особенностей в социально-коммуникативной и поведенческой сферах, аналогичных тем, что присущи аутичным людям, но выраженных в недостаточной для постановки диагноза степени [Gerdts & Bernier, 2011]. Следует отметить, что такие пограничные состояния часто бывают свойственны ближайшим родственникам людей с диагностированным РАС. Еще Лео Каннер в 1943 г. указывал, что родители детей с РАС, их дедушки и бабушки, а также другие побочные родственники зачастую оказываются чрезвычайно увлечены научными или художественными абстракциями и проявляют мало искреннего интереса к людям [Ibid.].

В современных исследованиях было показано, что характерные для широкого фенотипа РАС черты обнаруживаются более чем у половины родителей детей с диагностированным расстройством аутистического спектра: у респондентов фиксируется нарушение способности распознавать лица других и снижение эмпатии при сохранности вербальных и пространственных способностей, они более склонны проявлять жесткость и упрямство в поступках, ригидность и интровертированность, более сдержаны в своих эмоциональных проявлениях. Более низкие способности к эмпатии, а также затруднения в процессе социальной коммуникации характерны и для сиблингов лиц с РАС (см. [Альбицкая, 2019]). При исследовании с помощью шкалы ВАР-Q (Broad Autism Phenotype Questionnaire) было выявлено, что родители детей с расстройством аутистического спектра набирают значительно более высокие баллы, чем контрольная группа, при этом матери демонстрируют признаки широкого фенотипа в 69,8 % случаев, а отцы – в 87,6 % [Ibid.]. Существует гипотеза, со-

гласно которой «накопление» в ребенке дефицитов, свойственных широкому фенотипу РАС, приводит к достижению порогового значения и, как следствие, манифестации расстройства аутистического спектра (см. [Григоренко, 2018]).

Несмотря на то что выраженные аутистические черты не обязательно приводят к постановке диагноза РАС, они безусловно оказывают влияние на жизнь человека, потенциально приводя к сложностям в социальной адаптации – и данное обстоятельство делает актуальным изучение специфики когнитивной деятельности не только в случае РАС, но и в случае широкого фенотипа аутизма. Кроме того, изучение специфики организации познавательной сферы у носителей выраженных (но не достигающих пороговых значений) аутистических тенденций может потенциально оказаться полезным для понимания РАС в «клиническом» варианте, соответствующем всем принятым диагностическим критериям.

Когнитивно-стилевой подход и аутистические проявления

Согласно традиционному определению, когнитивные стили представляют собой «индивидуально-своеобразные способы переработки информации о своем окружении в виде индивидуальных различий в восприятии, анализе, структурировании, категоризации, оценивании происходящего» [Холодная, 2021. С. 33]. Это устойчивые, индивидуальные структурные особенности познавательной сферы, характеризующиеся биполярностью, к которым не применимы оценочные суждения («хороший»/«плохой»), так как оба полюса имеют свойственные им преимущества в координации и регулировании базовых познавательных процессов для адаптации к требованиям объективной действительности. В отличие от способности, стиль связан не с успешностью или уровнем достижений, а с самим способом выполнения интеллектуальной деятельности; он устойчив и стабилен, его проявления носят генерализованный, неспецифичный характер. Отражая индивидуальный способ интеллектуальной деятельности человека и будучи связанным с мотивационно-потребностной и аффективной сферами, когнитивный стиль может рассматриваться как проявление личностной организации в целом [Ibid.].

Несмотря на то что количество выделенных когнитивных стилей велико, основу феноменологии стилового подхода, согласно М. А. Холодной, составляют следующие [Ibid.]:

- полезависимость/полenezависимость (по способу ориентирования в сложноорганизованном контексте);
- узкий/широкий диапазон эквивалентности (по способу разделения и классификации объектов);
- узость/широта категории (по степени субъективной дифференциации содержания одной категории);

- ригидный/гибкий познавательный контроль (по субъективной сложности изменения способа обработки информации в условиях когнитивного конфликта);
- толерантность/интолерантность к нереалистическому опыту (по способу реагирования на неопределенные ситуации, лишённые привычного, очевидного или «правильного» решения);
- фокусирующий/сканирующий контроль (по широте охвата поля внимания и степени учета значимых признаков);
- сглаживание/заострение (по особенностям переработки материала при его сохранении в памяти);
- импульсивность/рефлексивность (по скорости принятия решения в условиях неопределённого выбора);
- конкретная/абстрактная концептуализация (по задействованию интеллектуальных операций дифференциации и интеграции);
- когнитивная простота/сложность (по мере дифференцированности индивидуальных конструкторов и «предметной эффективности»).

Когнитивно-стилевая оптика во многом соответствует актуальному подходу к изучению особенностей познавательной сферы при РАС и в случае широкого фенотипа аутизма. Как уже упоминалось выше, Франческа Аппе предложила рассматривать аутистические проявления не с позиции описания дефицитов (что не может объяснить такие феномены, как савантизм или «островки способностей»), а как связанные с неким общим когнитивным стилем, которому присуще преобладание локальной переработки информации над глобальной [Наррэ, 1999]. Вероятно, обращение к представленным выше стилям может быть эвристичным в силу их большей дифференцированности: охватывая достаточно специализированные области когнитивной деятельности, в своей совокупности они дают более комплексную ее картину.

В связи с вышеизложенным, целью настоящего исследования явилось выявление взаимосвязи между выраженностью аутистических черт и когнитивно-стилевыми особенностями.

Процедура и материалы исследования

Выборка исследования составила 103 человека (31 мужчина, 72 женщины; $M_{\text{возраст}} = 32$, $SD_{\text{возраст}} = 12,7$); распределение респондентов по направлениям деятельности¹ представлено в табл. 1. В соответствии с вышеописанным «континуальным» количественным подходом, к участию в исследовании приглашались как нейротипичные лица, так и лица с диагностированным РАС или относящиеся к широкому фенотипу РАС. О наличии у них диагностированного расстройства аутистического спектра сообщили 23 респондента,

¹ В ряде исследований отмечается, что лица, занимающиеся точными или техническими науками, с большей вероятностью обладают выраженными аутистическими проявлениями (см. [Baron-Cohen et al., 2001]); мы попытались принять во внимание данный момент.

о том, что у них есть родственник с диагностированным РАС, – 22 респондента (см. табл. 2); в обе группы попали 8 респондентов.

Таблица 1

Распределение респондентов по профессиональным сферам

Сфера деятельности	Количество человек
Точное и техническое направление (математика, IT, физика, инженерия, экономика)	27
Гуманитарное направление	11
Социальное направление (психология и медицина)	23
Другое (художественные направления, предпринимательство, самозанятость)	42

Таблица 2

Степень родства респондентов с людьми с диагностированным РАС

Степень родства	Количество человек
Родители и дети	12
Дедушки/бабушки и внуки	2
Дяди/тети, племянники, двоюродные братья/сестры	4
Другое (внучатая племянница, троюродный брат, члены семьи без указания степени родства)	4

Набор респондентов осуществлялся в сети «Интернет»; респонденты с РАС и имеющие родственников с РАС привлекались к участию в исследовании путем размещения объявлений в тематических группах в социальной сети «ВКонтакте». Данные собирались при помощи Google-форм; помимо прохождения психодиагностических методик (см. далее), участникам исследования предлагалось ответить на вопросы социодемографического характера (пол, возраст, сфера деятельности, наличие или отсутствие диагностированного РАС, наличие или отсутствие диагностированного РАС у родственника).

При подсчете статистических показателей применялся статистический пакет IBM SPSS Statistics 26.

Нами были использованы следующие методики.

1. Шкала Autism-Spectrum Quotient (AQ), взрослая версия.

Данный опросник предназначен для установления наличия аутистических тенденций и измерения степени их выраженности. Оригинальный опросник был разработан в 2001 г. Саймоном Бароном-Козном совместно с его коллегами в Центре исследования аутизма в Кембридже [Baron-Cohen, 2001]. Используемая версия AQ состоит из 50 пунктов в утвердительной

формулировке, которые сгруппированы по 5 подшкалам (социальные навыки, переключение внимания, внимание к деталям, коммуникация, воображение). Респондентам предлагается выразить степень своего согласия с каждым утверждением по шкале от 1 до 4; более высокий балл говорит о большей выраженности аутистических черт. В ходе осуществленной ранее адаптации методики для русскоязычной аудитории были установлены хорошая надежность методики по внутренней согласованности и хорошая ретестовая надежность для общего показателя, а также высокий уровень дискриминативности, критериальной и конструктивной валидности [Шабалин, Первушина, 2020].

2. Методика диагностики когнитивного стиля индивидуальности человека сокращенная (КСИЧ-К).

Данный инструмент предназначен для определения принадлежности к определенному полюсу 6 когнитивных стилей (полезависимость/полenezависимость, узкий/широкий диапазон эквивалентности, гибкий/ригидный познавательный контроль, импульсивность/рефлексивность, конкретная/абстрактная концептуализация, толерантность/интолерантность к нереалистическому опыту). Методика состоит из 24 пунктов в утвердительной формулировке, объединенных в 12 подшкал; все пункты закодированы в прямых значениях. Для ответа используется шкала Ликерта с 5 градациями. Разработчиками была заявлена высокая надежность и валидность инструмента [Волкова, 2015; Дудникова, Волкова, 2017].

3. Шкала аналитичности-холистичности (АНС).

Оригинальная методика построена на основе четырехкомпонентной модели аналитичности-холистичности Р. Нисбетта и соавторов. Инструмент состоит из 24 пунктов в утвердительной формулировке, объединенных в 4 подшкалы (фокус внимания, каузальная атрибуция, толерантность к противоречиям, восприятие изменений). Респондентам предлагается выразить степень своего согласия с утверждениями по шкале Ликерта с 7 градациями; более высокий балл свидетельствует о принадлежности к полюсу холистичности, более низкий – аналитичности. На материале русскоязычной выборки методика была апробирована в 2017 г. В. В. Апановичем, В. В. Знаковым и Ю. И. Александровым; была показана удовлетворительная надежность и валидность инструмента [Апанович, Знаков, Александров, 2017].

Результаты и обсуждение

Для оценки связи между общим показателем и подшкалами AQ и подшкалами КСИЧ-К и АНС использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Полученные результаты представлены в табл. 3 и 4.

Что касается связей показателей AQ и КСИЧ-К, то полезависимость оказывается значимо обратно связанной с «Социальными навыками» ($p < 0,01$) и «Переключаемостью внимания» ($p < 0,05$), полenezависимость прямо коррелирует с «Социальными навыками» ($p < 0,05$), «Переключаемостью вни-

Таблица 3

Коэффициенты корреляции между подшкалами AQ и КСИЧ-К

Подшкалы	AQ Сумм. балл	AQ Соц. навыки	AQ Переключаемость вним-я	AQ Вним-е к дета- лям	AQ Коммуника- ция	AQ Воображение
КСИЧ-К Полезависимость	-,179	-,293**	-,223*	,021	-,095	-,144
КСИЧ-К Поленезависимость	,203*	,248*	,271**	,065	,144	,096
КСИЧ-К Узкий диапазон эквивалентности	-,060	-,139	-,048	,215*	-,075	-,122
КСИЧ-К Широкий диапазон эквивалентности	,075	,048	,040	,027	,050	,069
КСИЧ-К Гибкий познава- тельный контроль	-, 478**	-, 361**	-, 489**	-0,188	-, 442**	-, 422**
КСИЧ-К Ригидный познава- тельный контроль	,572**	,463**	,461**	,102	,612**	,536**
КСИЧ-К Импulsивность	-,145	-, 222*	-, 280**	-,054	-,038	-,090
КСИЧ-К Рефлексивность	,043**	,469**	,557**	,197*	,342**	,277**

Окончание табл. 3

Подшкалы	АQ Сумм. балл	АQ Соц. навыки	АQ Переключаемость вним-я	АQ Вним-е к дета- лям	АQ Коммуника- ция	АQ Воображение
КСИЧ-К Конкретная кон- цептуализация	,380**	,413**	,453**	,064	,262**	,293**
КСИЧ-К Абстрактная кон- цептуализация	,019	-,038	-,011	,047	,075	-,002
КСИЧ-К Толерантность к нереалистиче- скому опыту	,361**	,274**	,392**	,313**	,321**	,189
КСИЧ-К Нетолерантность к нереалистиче- скому опыту	,470**	,413**	,435**	,239*	,444**	,263**

Примечание. * $p < 0.05$; ** $p < 0.01$

Жирный шрифт – значимые корреляции.

Таблица 4

Коэффициенты корреляции между показателями AQ и ANS

Подшкалы	AQ Сумм. балл	AQ Соц. навыки	AQ Переклечение вним-я	AQ Вним-е к деталям	AQ Коммуникация	AQ Воображение
ANS Сумм. балл	,021	-,240	-,041	,292	,124	,047
ANS Фокус внимания	-,388	-,354	-,518*	-,129	-,216	-,080
ANS Каузальная атрибуция	,217	-,145	,164	,429*	,225	,256
ANS Толерантность к про- тиворечиям	-,010	-,236	,012	,362	,076	,021
ANS Восприятие измене- ний	-,015	-,078	-,053	-,074	,060	-,133

Примечание. * $p < 0.05$

Жирный шрифт – значимые корреляции.

мания» ($p < 0,01$), а также суммарным баллом по шкале AQ ($p < 0,05$); узкий диапазон эквивалентности прямо связан с «Вниманием к деталям» ($p < 0,05$); гибкий и ригидный познавательный контроль соответственно демонстрируют обратные и прямые связи с суммарным баллом и со всеми подшкалами AQ ($p < 0,01$), кроме «Внимания к деталям»; импульсивность обратно связана с «Социальными навыками» ($p < 0,05$) и «Переключаемостью внимания» ($p < 0,01$), рефлексивность – прямо с суммарным баллом и со всеми подшкалами AQ (для всех подшкал, кроме «Внимания к деталям», $p < 0,01$; «Внимание к деталям» – $p < 0,05$); конкретная концептуализация прямо коррелирует с суммарным баллом и со всеми подшкалами AQ ($p < 0,01$), кроме «Внимания к деталям»; толерантность к нереалистическому опыту прямо коррелирует с суммарным баллом и со всеми подшкалами AQ ($p < 0,01$), кроме «Воображения», а нетолерантность к нереалистическому опыту прямо коррелирует с суммарным баллом и со всеми подшкалами AQ (для всех подшкал, кроме «Внимания к деталям», $p < 0,01$; для «Внимания к деталям» – $p < 0,05$).

В случае показателей AQ и ANS обнаруживаются значимая обратная связь между подшкалами ANS «Фокус внимания» и AQ «Переключение внимания» ($p < 0,05$), а также прямая между подшкалами ANS «Каузальная атрибуция» и AQ «Внимание к деталям» ($p < 0,05$).

Установленные связи когнитивного стиля «полезависимость/полнезависимость» с отдельными сферами аутистических проявлений (социальные навыки и способности к переключению внимания) представляются достаточно логичными. Если полезависимость как таковая означает приверженность более глобальному подходу к ориентации в сложноорганизованном контексте, а также большую социальную ориентированность, в то время как полнезависимость сопряжена с легкостью в преодолении влияния контекста и склонностью к разбиению «поля» на отдельные элементы и структурированию, то описанная выше слабая центральная когерентность, присущая людям с РАС, по своим проявлениям во многом соотносится с полюсом полнезависимости. Кроме того, по всей видимости, в случае выраженных аутистических тенденций речь идет, скорее, о ригидной (фиксированной) полнезависимости, проявлениями которой могут быть меньшая гибкость поведения, а также более слабые механизмы интеллектуального контроля своей деятельности, чем у «мобильных полнезависимых» [Холодная, 2021]. В пользу этого предположения говорит и прямая связь показателей по шкале полнезависимости КСИЧ-К с показателями по шкале AQ «Переключаемость внимания», которая оценивает общую ригидность познавательной сферы.

Обнаруженная связь между вниманием к деталям и узким диапазоном эквивалентности требует дополнительного уточнения: прежде всего, полюс узкого диапазона эквивалентности принято разделять на «дифференциаторов» и «детализаторов» – и если первые категоризируют объекты на основе «мелкомасштабных» и строгих критериев, то вторые опираются при этом на субъективно значимые и ситуативные критерии, что может негативно ска-

зываются на продуктивных аспектах интеллектуальной деятельности [Холодная, 2021]. Кроме того, существующие на настоящий момент данные, касающиеся соответствия аутичного познания узкому диапазону эквивалентности, весьма неоднозначны. С одной стороны, известно, что для лиц с РАС характерно выделение простых признаков в качестве оснований для категоризации. Также люди с РАС зачастую предпочитают, чтобы сами основания были очевидными, а стимулы – типичными; они с трудом абстрагируются от прототипов и усредненных представлений о характеристиках категории, чувствительны к деталям. Это соотносится с узким диапазоном эквивалентности, так как представители этого полюса выделяют явные признаки для классификации и склонны к детализации. В то же время существуют исследования, показывающие, что люди с аутистическими чертами обладают сниженной способностью видеть максимальное количество альтернативных способов классификации: в одном из таких исследований в задании на классификацию блоков им требовалось большее количество попыток для того, чтобы сформировать наборы блоков, и больше подсказок [Gastgeb, Strauss, Minshew, 2006]. Эти данные расходятся с характеристикой узкого диапазона эквивалентности, предполагающей способность создавать большое количество групп для классификации на основании конкретных черт.

Значимые связи ригидного/гибкого познавательного контроля со всеми сферами аутистических проявлений, кроме внимания к деталям, могут свидетельствовать о том, что для лиц с выраженными аутистическими тенденциями смена способов переработки информации в ситуации когнитивного конфликта оказывается субъективно затруднительной. Это может быть обусловлено когнитивной и поведенческой ригидностью, которая при РАС проявляется в склонности к стереотипиям, а также выраженной нетерпимости к неопределенности и изменениям установленного и привычного порядка (см. [Goodwin, Mosner, Dichter, 2019]); как отмечает М. А. Холодная, сужение ригидного контроля до жесткого фокусирования чревато чрезмерной фиксированностью поведения [Холодная, 2021] – по всей видимости, именно это и происходит в случае РАС.

Интересными представляются связи когнитивного стиля «импульсивность/рефлексивность» с социальными навыками и способностями к переключению внимания в случае импульсивности и со всеми сферами аутистических проявлений в случае рефлексивности. Полученные данные в известной степени противоречат упомянутым ранее представлениям о нарушении навыков планирования при РАС: рефлексивность традиционно интерпретируется как склонность к более медленному реагированию в ситуации множественного выбора, сопровождающемуся тщательной проверкой и многократным уточнением гипотез, в то время как импульсивность – к быстрому реагированию и выдвигению предположений без анализа альтернатив [Холодная, 2021]. В то же самое время медленное принятие решения в ситуации неопределенного выбора может быть связано с нетерпимостью к неопределенности,

свидетельствуя либо о сложностях в кодировании подобных ситуаций, либо о потенциальном наличии некоего компенсаторного механизма совладания с ней, функционирование которого требует затрат ресурсов и времени; этот вопрос требует дополнительного уточнения. Ответить на него может помочь прояснение, с какой субгруппой полюса рефлексивности соотносятся выраженные аутистические тенденции – «медленные/точные» (люди, демонстрирующие систематические стратегии принятия решения и обладающие сформированными механизмами произвольного контроля своей активности) или «медленные/неточные» (люди, чья познавательная активность в ситуации множественного выбора наименее систематична, а механизмы произвольного контроля своей активности сформированы слабее).

Связь между конкретной концептуализацией и всеми сферами аутистических проявлений, кроме внимания к деталям, свидетельствует о том, что для лиц с выраженными аутистическими проявлениями может быть характерна незначительная дифференциация и недостаточная интеграция понятий, а на уровне психологических качеств – «закрытость» ума, несвобода от непосредственных свойств ситуации и сверхконцентрация на одном подходе к ее интерпретации («ментальная слепота»), недостаток гибкости, «черно-белое» мышление, интолерантность к неопределенности, стереотипность принимаемых решений и слабая способность к мышлению в терминах возможного [Ibid.]. В общем и целом это соответствует существующим представлениям о склонности людей с РАС к дихотомическому мышлению и нетерпимости к неопределенности [Suzuki, Hirai, 2023], которые приводят к сосредоточению на одном упрощенном видении ситуации и избеганию информации, не соответствующей ранее сложившимся установкам. Интересно, что и построение единого интегрированного образа другого человека с учетом противоречивой информации, как отмечает М. А. Холодная, лучше удается людям с абстрактным, а не конкретным стилем концептуализации [Холодная, 2021]. В целом взгляд через призму доминирования полюса конкретной концептуализации позволяет уйти от «дефицитарности» при объяснении поведенческих стереотипов, конкретного характера мышления, выраженного в затруднениях понимания сферы гипотетического, переносного смысла и абстракций.

Прямые связи и толерантности, и нетолерантности к нереалистическому опыту со всеми аспектами аутистических проявлений представляются достаточно интересными в силу своей парадоксальности. По всей видимости, формально это может быть проинтерпретировано как свидетельство ортогональности полюсов данного когнитивного стиля, уже отмечавшейся ранее (см. [Дудникова, Волкова, 2017]); содержательно же объяснить данный результат крайне затруднительно. Исходя из приведенных выше данных, людям с выраженными аутистическими чертами, скорее, присуща интолерантность к неопределенности, а следовательно, и нетолерантность к нереалистическому опыту, которая проявляется в когнитивной «закрытости», т. е. ориентации на обычное и ожидаемое и сопротивлении опыту, который противоречит уже

имеющимся знаниям. Так или иначе, вопрос о связи аутистических черт с толерантностью и интолерантностью к нереалистическому опыту требует дополнительных уточнений.

Обратная связь между параметром «Фокус внимания» по AHS и способностью к переключению внимания предполагает, что лица, познавательная сфера которых характеризуется повышенной ригидностью, демонстрируют тенденцию к игнорированию контекста происходящих явлений и социальных ситуаций, рассматривая их как независимые и не связанные с другими. В целом этот результат согласуется с описанной выше связью между полнезависимостью и выраженностью аутистических тенденций, а также идеей слабой центральной когерентности. Любопытно, что близость к полюсу аналитичности в случае «Фокуса внимания» сопровождается близостью к полюсу холистичности в случае параметра «Каузальная атрибуция»: прямая связь между последним и вниманием к деталям предполагает, что человеку, склонному к фиксации внимания на частных аспектах предметов и явлений, присущ интеракционизм как склонность искать причины происходящих событий и явлений в окружающей среде, а не во внутренних диспозициях или устойчивых составляющих (см. [Апанович, Знаков, Александров, 2017]). Действительно, в некоторых исследованиях сообщается о том, что людям с РАС и выраженными аутистическими проявлениями в большей степени присущ экстернальный локус контроля, чем нейротипичным лицам [Vertrams, 2021]; однако в контексте обсуждения полученных в настоящем исследовании результатов приравнивание изолированного показателя внимания к деталям к аутичности вообще представляется необоснованным – очевидно, что этот вопрос также требует дополнительного уточнения. В общем и целом с уверенностью говорить о том, что выраженные аутистические черты сколько-нибудь прямо и однозначно соотносятся с полюсом аналитичности или холистичности в сфере познавательной деятельности, на данный момент времени не представляется возможным в силу недостаточности данных.

Обозначим ограничения данного исследования. Прежде всего, следует отметить «неортодоксальность» оценки когнитивно-стилевых особенностей при помощи методик самоотчета. Несмотря на то что использованный нами в силу объективных ограничений дистанционного формата взаимодействия с респондентами опросник КСИЧ-К позиционируется разработчиками как достаточно надежный и валидный психодиагностический инструмент, полученные с его помощью результаты безусловно подлежат перепроверке с задействованием более традиционных методик оценки когнитивно-стилевых особенностей. Кроме того, за пределами рассмотрения КСИЧ-К оказываются такие когнитивные стили, как узость/широта категории, фокусирующий/сканирующий контроль, сглаживание/заострение и когнитивная простота/сложность – между тем оценка связи выраженных аутистических проявлений с полюсами данных когнитивных стилей может представлять значительный интерес для построения более целостной картины организации познаватель-

ной деятельности при РАС. Следует отметить и особенности других использованных инструментов: к примеру, несмотря на достаточный уровень надежности и валидности методики AQ, реальная факторная структура данного опросника отличается от заявленной разработчиками (см. [Шабалин, Первушина, 2020]); можно также упомянуть некоторое содержательное сходство между отдельными пунктами AQ и КСИЧ-К. Наконец, еще одно потенциальное ограничение лежит в сфере внешней валидности получаемых результатов: оптика, предполагающая «континуальный» взгляд на аутистические расстройства, крайне эвристична, но вопрос о том, насколько получаемые при взаимодействии с высокофункциональными людьми с РАС и лицами с выраженными аутистическими тенденциями результаты релевантны для лиц с низкофункциональным аутизмом, остается открытым.

Заключение

Трудно переоценить значимость изучения организации когнитивной сферы у лиц с расстройствами аутистического спектра и выраженными аутистическими тенденциями: адекватное понимание того, какими принципиальными особенностями характеризуются процессы приобретения нового знания и конструирования репрезентаций окружающего мира и самих себя, оценка как слабых, так и потенциальных сильных сторон познавательной деятельности открывают возможности для построения целостной картины РАС в собственно психологическом ключе, которая объясняла бы разрозненные поведенческие проявления и предоставляла бы возможности для разработки продуктивных образовательных и коррекционных программ с учетом данной специфики. Использование когнитивно-стилевого подхода, как уже отмечалось ранее, представляется в данном контексте весьма уместным.

Согласно имеющимся данным, аутичное познание в целом характеризуется тем, что обозначается как слабая центральная когерентность – относительной независимостью от контекста, фрагментарностью «поля», тенденцией к негибкому сосредоточению внимания на отдельных элементах (иногда в ущерб постижению целостной картины) и т. д. В ходе настоящего исследования были получены результаты, так или иначе соответствующие данным представлениям и позволяющие отчасти их детализировать. Так, люди с выраженными аутистическими тенденциями действительно демонстрируют высокую независимость от «поля», что – помимо высоких когнитивно-структурирующих способностей – может сопровождаться и относительной слабостью механизмов интеллектуального контроля; им в большей степени присущ выбор узких оснований для группировки объектов и, вероятно, большее количество категорий в индивидуальном понятийном опыте, но также и когнитивная «закрытость», сопровождающаяся дихотомическим мышлением; неопределенные или конфликтные, противоречивые ситуации, требующие высокой гибкости и быстрой смены установок, являются для лиц с выражен-

ными аутистическими проявлениями источником субъективных затруднений и фрустрации, а решения в них принимаются относительно медленно. Примечательно, что высокий уровень дифференцированности, предполагаемый на теоретическом уровне принадлежностью к полюсу полнезависимости (равно как и к полюсу узкого диапазона эквивалентности), сочетается с конкретной концептуализацией, обуславливающей тенденцию к построению упрощенных ментальных моделей.

Наконец, полученные результаты свидетельствуют в пользу того, что именно «расколотость», фрагментарность является основополагающей чертой аутичного познания в его крайних проявлениях. Упорядочивание и интеграция отдельных деталей, сторон объектов и явлений окружающего мира в целостную картину, по всей видимости, оказываются крайне ресурсозатратными; в этой связи можно осторожно выдвинуть предположение, что высокая ригидность, также характерная для познавательной сферы при РАС, может отчасти выполнять и своеобразную «охранительную» функцию – жесткость установок и сосредоточенность на ранее сложившихся стереотипах позволяют до определенной степени избегать необходимости новых чрезмерных затрат «ментальных ресурсов» на построение новых репрезентаций. Простота, однозначность и схематичность формируемых репрезентаций также может служить целям «экономии». Вероятно, то, с чем нейротипичные лица сталкиваются на феноменологическом уровне в ситуациях, характеризующихся высокой степенью неопределенности, является типичным опытом для аутичных людей; в этой связи упоминавшаяся ранее связь интолерантности к неопределенности и РАС обретает особую актуальность – как в сфере теоретических исследований, так и в области конкретных практических разработок.

Список литературы

Альбицкая Ж. В. Роль и влияние «расширенного аутистического фенотипа» у родителей на возникновение расстройств аутистического спектра у детей // Психическое здоровье. 2019. № 6. С. 39–44.

Апанович В. В., Знаков В. В., Александров Ю. И. Апробация шкалы аналитичности-холистичности на российской выборке // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 5. С. 80–96.

Волкова Е. В. Технологии развития ментальных ресурсов. М.: Институт психологии РАН, 2015. 256 с.

Григоренко Е. Л. Расстройства аутистического спектра. Вводный курс: Учебное пособие для студентов. М.: Практика, 2018. 280 с.

Дудникова Т. А., Волкова Е. В. Методика диагностики когнитивного стиля индивидуальности // Личность, интеллект, метакогниции: исследовательские подходы и образовательные практики. 2017. С. 645–652.

Лебединский В. В. Нарушения психического развития в детском возрасте: Учеб. пособие для студ. психол. фак. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2003. 144 с.

Холодная М. А. Когнитивная психология. Когнитивные стили: Учебное пособие для вузов. 3-е изд. М.: Юрайт, 2021. 307 с.

Шабалин А. П., Первушина О. Н. Адаптация опросника Autism-Spectrum Quotient (AQ) для оценки выраженности аутистических проявлений у взрослых: психометрические характеристики и факторная структура // *Reflexio*. 2020. Т. 13. № 2. С. 118–161.

Шабалин А. П., Первушина О. Н. Интолерантность к неопределенности как ключ к пониманию расстройств аутистического спектра // *Вопросы психологии*. 2023. Т. 69. № 2. С. 106–115.

American Psychiatric Association. Diagnostic and statistical manual of mental disorders (5th ed.). Washington, D.C.: American Psychiatric Publishing, 2013.

Baron-Cohen S., Ashwin E., Ashwin C., Tavassoli T., & Chakrabarti B. Talent in autism: hyper-systemizing, hyper-attention to detail and sensory hypersensitivity // *Philosophical transactions of the Royal Society of London. Series B, Biological sciences*. 2009. Vol. 364 (1522). P. 1377–1383.

Baron-Cohen S., Wheelwright S., Skinner R., Martin J., & Clubley E. (2001). The autism-spectrum quotient (AQ): evidence from Asperger syndrome / high-functioning autism, males and females, scientists and mathematicians // *Journal of autism and developmental disorders*. 2001. Vol. 31 (1), P. 5–17.

Bertrams A. Less illusion of a just world in people with formally diagnosed autism and higher autistic traits // *Journal of Autism and Developmental Disorders*. 2021. Vol. 51 (10). P. 3733–3743.

Booth R. & Happé F. “Hunting with a knife and ... fork”: Examining central coherence in autism, attention deficit/hyperactivity disorder, and typical development with a linguistic task // *Journal of Experimental Child Psychology*. 2010. Vol. 107 (4) P. 377–393.

Cooper R. A., Plaisted-Grant K. C., Baron-Cohen S. & Simons J. S. Reality Monitoring and Metamemory in Adults with Autism Spectrum Conditions // *Journal of autism and developmental disorders*. 2016. Vol. 46 (6). P. 2186–2198.

Frith U. Autism: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2008.

Garfinkel S. N., Tiley C., O’Keeffe S., Harrison N. A., Seth A. K., & Critchley H. D. // Discrepancies between dimensions of interoception in autism: Implications for emotion and anxiety. *Biological psychology*. 2016. Vol. 114. P. 117–126.

Gastgeb H. Z., Strauss M. S., Minshew N. J. Do Individuals With Autism Process Categories Differently? The Effect of Typicality and Development // *Child Development*. 2006. Vol. 77. P. 1717–1729.

Gerds J. & Bernier R. The broader autism phenotype and its implications on the etiology and treatment of autism spectrum disorders // *Autism research and treatment*. 2011. 545901.

Goodwin C. D., Mosner M. G., Dichter G. S. Uncertainty Processing in Autism. In: Volkmar, F. (eds) *Encyclopedia of Autism Spectrum Disorders*. New York: Springer, 2019.

Happé F. Autism: cognitive deficit or cognitive style? // Trends in cognitive sciences. 1999. Vol. 3 (6). P. 216–222.

Huggins C. F., Donnan G., Cameron I. M., & Williams J. H. Emotional self-awareness in autism: A meta-analysis of group differences and developmental effects // Autism : the international journal of research and practice. 2021. Vol. 25 (2). P. 307–321.

Ploeger A. & Galis F. Evolutionary approaches to autism- an overview and integration // McGill journal of medicine : MJM : an international forum for the advancement of medical sciences by students. 2011. Vol. 13 (2). P. 38.

Ridley N. J., Homewood J. & Walters J. Cerebellar dysfunction, cognitive flexibility and autistic traits in a non-clinical sample // Autism : the international journal of research and practice. 2011. Vol. 15 (6). P. 728–745.

Robinson S., Goddard L., Dritschel B., Wisley M. & Howlin P. (2009). Executive functions in children with autism spectrum disorders // Brain and cognition. 2009. Vol. 71 (3). P. 362–368.

Rodgers J., Glod M., Connolly B., & McConachie H. The relationship between anxiety and repetitive behaviours in autism spectrum disorder // Journal of autism and developmental disorders. 2012. Vol. 42 (11). P. 2404–2409.

Simashkova N. V., Boksha I. S., Klyushnik T. P., Iakupova L. P., Ivanov M. V., Mukaetova-Ladinska E. B. Diagnosis and Management of Autism Spectrum Disorders in Russia: Clinical-Biological Approaches // Journal of Autism and Developmental Disorders. 2019. Vol. 49. P. 3906–3914.

Suzuki N. & Hirai M. Autistic traits associated with dichotomic thinking mediated by intolerance of uncertainty // Scientific reports. 2023. Vol. 13 (1). 14049.

Thurber S., Sheehan W. & Valtinson G. (2007). Autism spectrum conditions from a Piagetian perspective // Psychology Journal. 2007. Vol. 4. P. 28–39.

Wakabayashi A., Baron-Cohen S. & Wheelwright S. Are autistic traits an independent personality dimension? A study of the Autism-Spectrum Quotient (AQ) and the NEO-PI-R // Personality and Individual Differences. 2006. Vol. 41 (5). P. 873–883.

Wantzen P., Boursette A., Zante E., Mioche J., Eustache F., Guénolet F., Baleyte J. M. & Guillery-Girard B. Autobiographical Memory and Social Identity in Autism: Preliminary Results of Social Positioning and Cognitive Intervention // Frontiers in psychology. 2021. Vol. 12. 641765.

World Health Organization. The ICD-10 classification of mental and behavioural disorders: Diagnostic criteria for research. Geneva: World Health Organization, 1993.

Zeidan J., Fombonne E., Scora J., Ibrahim A., Durkin M. S., Saxena S., Yusuf A., Shih A., & Elsabbagh M. Global prevalence of autism: A systematic review update // Autism research : official journal of the International Society for Autism Research. 2022. Vol. 15 (5). P. 778–790.

References

- Al'bitskaia, Zh. V.* (2019). Rol' i vliianie «rasshirennoho autisticheskogo fenotipa» u roditel'ei na vozniknovenie rasstroistv autisticheskogo spektra u detei [The role and influence of the “broad autism phenotype” in parents on the occurrence of autism spectrum disorders in children]. *Psikhicheskoe zdorov'e*, 6, 39-44. (in Russ.)
- Apanovich, V. V., Znakov, V. V., Aleksandrov, Iu. I.* (2017). Aprobatsiia shkaly analitichnosti-kholistichnosti na rossiiskoi vyborke [Testing the Analysis-Holism Scale on a Russian sample]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 38(5), 80–96. (in Russ.)
- Volkova, E. V.* (2015). Tekhnologii razvitiia mental'nykh resursov [Technologies for the development of mental resources]. Moscow: Izdatel'stvo „Institut psikhologii RAN“ (in Russ.)
- Grigorenko, E. L.* (2018). Rasstroistva autisticheskogo spektra. Vvodnyi kurs. Uchebnoe posobie dlia studentov [Autism Spectrum Disorders. An Introductory Course. A Student's Guide]. Moscow: Praktika (in Russ.)
- Dudnikova, T. A., Volkova, E. V.* (2017). Metodika diagnostiki kognitivnogo stilia individual'nosti [The method for diagnosing the cognitive style of individuality]. *Lichnost', intellekt, metakognitsii: issledovatel'skie podkhody i obrazovatel'nye praktiki*. 2017. 645–652. (in Russ.)
- Lebedinskii, V. V.* (2003). Narusheniia psikhicheskogo razvitiia v detskom vozraste: Ucheb. posobie dlia stud. psikhol. fak. vyssh. ucheb. zavedenii [Mental development disorders in childhood: Textbook for students of psychology departments of higher educational institutions]. Moscow: Izdatel'skii tsentr «Akademiiia» (in Russ.)
- Kholodnaia, M. A.* (2021). Kognitivnaia psikhologiia. Kognitivnye stili: uchebnoe posobie dlia vuzov [Cognitive Psychology. Cognitive Styles: A Textbook for Universities]. Moscow: Izdatel'stvo Iurait. (in Russ.)
- Shabalin, A. P., Pervushina, O. N.* (2020). Adaptatsiia oprosnika Autism-Spectrum Quotient (AQ) dlia otsenki vyrazhennosti autisticheskikh proiavlenii u vzroslykh: psikhometricheskie kharakteristiki i faktornaia struktura [Russian Adaptation of the Autism-Spectrum Quotient (AQ) for Measuring Autistic Traits in Adults: Psychometric Properties and Factor Structure]. *Reflexio*, 13(2), 118–161. (in Russ.)
- Shabalin, A. P., Pervushina, O. N.* (2023). Intolerantnost' k neopredelennosti kak kliuch k ponimaniu rasstroistv autisticheskogo spektra [Intolerance to uncertainty as a key to understanding autism spectrum disorders]. *Voprosy psikhologii*, 69(2), 106–115. (in Russ.)
- American Psychiatric Association. (2013). *Diagnostic and statistical manual of mental disorders* (5th ed.).
- Baron-Cohen, S., Ashwin, E., Ashwin, C., Tavassoli, T., & Chakrabarti, B.* (2009). Talent in autism: hyper-systemizing, hyper-attention to detail and sensory hypersensitivity. *Philosophical transactions of the Royal Society of London. Series B, Biological sciences*, 364(1522), 1377–1383.

Baron-Cohen, S., Wheelwright, S., Skinner, R., Martin, J., & Clubley, E. (2001). The autism-spectrum quotient (AQ): evidence from Asperger syndrome / high-functioning autism, males and females, scientists and mathematicians. *Journal of autism and developmental disorders*, 31 (1), 5–17.

Bertrams, A. (2021). Less illusion of a just world in people with formally diagnosed autism and higher autistic traits. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 51(10), 3733–3743.

Booth, R., & Happé, F. (2010). “Hunting with a knife and ... fork”: Examining central coherence in autism, attention deficit/hyperactivity disorder, and typical development with a linguistic task. *Journal of Experimental Child Psychology*, 107(4), 377–393.

Cooper, R. A., Plaisted-Grant, K. C., Baron-Cohen, S., & Simons, J. S. (2016). Reality Monitoring and Metamemory in Adults with Autism Spectrum Conditions. *Journal of autism and developmental disorders*, 46(6), 2186–2198.

Frith, U. (2008). *Autism: A Very Short Introduction*. Oxford University Press.

Garfinkel, S. N., Tiley, C., O’Keeffe, S., Harrison, N. A., Seth, A. K., & Critchley, H. D. (2016). Discrepancies between dimensions of interoception in autism: Implications for emotion and anxiety. *Biological psychology*, 114, 117–126.

Gastgeb, H. Z., Strauss, M. S. and Minshew, N. J. (2006). Do Individuals With Autism Process Categories Differently? The Effect of Typicality and Development. *Child Development*, 77, 1717–1729.

Gerds, J., & Bernier, R. (2011). The broader autism phenotype and its implications on the etiology and treatment of autism spectrum disorders. *Autism research and treatment*, 2011, 545901.

Goodwin, C. D., Mosner, M. G., Dichter, G. S. (2019). *Uncertainty Processing in Autism*. In: Volkmar, F. (eds) *Encyclopedia of Autism Spectrum Disorders*. Springer, New York, NY.

Happé, F. (1999). Autism: cognitive deficit or cognitive style?. *Trends in cognitive sciences*, 3(6), 216–222.

Huggins, C. F., Donnan, G., Cameron, I. M., & Williams, J. H. (2021). Emotional self-awareness in autism: A meta-analysis of group differences and developmental effects. *Autism : the international journal of research and practice*, 25(2), 307–321.

Ploeger, A., & Galis, F. (2011). Evolutionary approaches to autism- an overview and integration. *McGill journal of medicine : MJM : an international forum for the advancement of medical sciences by students*, 13(2), 38.

Ridley, N. J., Homewood, J., & Walters, J. (2011). Cerebellar dysfunction, cognitive flexibility and autistic traits in a non-clinical sample. *Autism : the international journal of research and practice*, 15(6), 728–745.

Robinson, S., Goddard, L., Dritschel, B., Wisley, M., & Howlin, P. (2009). Executive functions in children with autism spectrum disorders. *Brain and cognition*, 71(3), 362–368.

Rodgers, J., Glod, M., Connolly, B., & McConachie, H. (2012). The relationship between anxiety and repetitive behaviours in autism spectrum disorder. *Journal of autism and developmental disorders*, 42(11), 2404–2409.

Simashkova, N. V., Boksha, I. S., Klyushnik, T. P., Iakupova, L. P., Ivanov, M. V., Mukaetova-Ladinska, E. B. (2019). Diagnosis and Management of Autism Spectrum Disorders in Russia: Clinical-Biological Approaches. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 49, 3906–3914.

Suzuki, N., & Hirai, M. (2023). Autistic traits associated with dichotomic thinking mediated by intolerance of uncertainty. *Scientific reports*, 13(1), 14049.

Thurber, S., Sheehan, W. & Valtinson, G. (2007). Autism spectrum conditions from a Piagetian perspective. *Psychology Journal*, 4, 28–39.

Wakabayashi, A., Baron-Cohen, S., & Wheelwright, S. (2006). Are autistic traits an independent personality dimension? A study of the Autism-Spectrum Quotient (AQ) and the NEO-PI-R. *Personality and Individual Differences*, 41(5), 873–883.

Wantzen, P., Boursette, A., Zante, E., Mioche, J., Eustache, F., Guénolé, F., Baleyte, J. M., & Guillery-Girard, B. (2021). Autobiographical Memory and Social Identity in Autism: Preliminary Results of Social Positioning and Cognitive Intervention. *Frontiers in psychology*, 12, 641765.

World Health Organization. (1993). *The ICD-10 classification of mental and behavioural disorders: Diagnostic criteria for research*.

Zeidan, J., Fombonne, E., Scolah, J., Ibrahim, A., Durkin, M. S., Saxena, S., Yusuf, A., Shih, A., & Elsabbagh, M. (2022). Global prevalence of autism: A systematic review update. *Autism research : official journal of the International Society for Autism Research*, 15(5), 778–790.

Информация об авторах

Пак Валерия Витальевна, бакалавр психологии

Шабалин Алексей Павлович, старший преподаватель кафедры психологии личности Института медицины и психологии им. Зельмана Новосибирского государственного университета, младший научный сотрудник Междисциплинарного центра прикладного анализа поведения ИМПЗ НГУ
Scopus Author ID 57206893194
Author ID RSCI 1002509

Information about the Author

Valeriia V. Pak, Bachelor of Psychology (Novosibirsk, Russian Federation)

Alexey P. Shabalin, senior lecturer of the Section of Personality Psychology of the V. Zelman Institute for the Medicine and Psychology of Novosibirsk State University, junior researcher of the Center for Behavior Analysis at Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)
Scopus Author ID 57206893194
Author ID RSCI 1002509

Материал поступил в редколлегию 17.08.2024

The article was submitted 17.08.2024

Научная статья

УДК 159.9.072

DOI 10.25205/2658-4506-2023-16-2-29-42

Оценка психометрических характеристик шкалы конформности А. Меграбяна и К. Стелф

Марина Владимировна Злобина

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

marinazlobina1991@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-8793-9546>

Аннотация

Статья посвящена анализу психометрических характеристик шкалы конформности Mehrabian и Stelf (1995). На сегодняшний день на русском языке отсутствуют методики, которые позволяли бы оценивать степень конформности. Одной из таких методик, позволяющих оценивать степень конформности, является шкала, разработанная Mehrabian и Stelf (1995). Конформность они определяют как готовность идентифицировать себя с другими и подражать им, уступать другим, чтобы избежать конфликта, быть скорее последователем, а не лидером с точки зрения идей, ценностей и поведения. В нашем исследовании приняли участие 287 человек в возрасте от 18 до 55 лет (72 мужчины и 215 женщин), из них 30 человек приняли участие в дополнительном исследовании, направленном на оценку ретестовой надежности. Было показано, что русскоязычная версия шкалы конформности Mehrabian и Stelf обладает конвергентной и дискриминантной валидностью, удовлетворительной надежностью по внутренней согласованности, но слабой ретестовой надежностью. В результате анализа внутренней структуры шкалы было показано, что однофакторная модель, предложенная авторами методики, демонстрирует хорошее соответствие данным. Двухфакторная модель, в которой прямые и обратные пункты нагружены на разные факторы, продемонстрировала отличное соответствие данным. Такой результат, однако, может быть связан с самой формулировкой прямых и обратных пунктов, а не с природой исследуемого конструкта. Сравнение групп мужчин и женщин по показателю конформности не выявило различий, что свидетельствует в пользу универсальной природы данного феномена. Дальнейшие направления исследований могут включать анализ других видов валидности, а также быть направлены на улучшение ретестовой надежности.

© Злобина М. В., 2023

Ключевые слова

конформность, шкала конформности, психометрические характеристики

Источник финансирования

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00771, <https://rscf.ru/project/23-28-00771/>

Для цитирования

Злобина М. В. Оценка психометрических характеристик шкалы конформности А. Мегрэбьяна и К. Стелф // *Reflexio*. 2023. Т. 16, № 2. С. 29–42. DOI 10.25205/2658-4506-2023-16-2-29-42

Psychometric Properties of the Conformity Scale (A. Mehrabian and C. Stelf)

Marina V. Zlobina

Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russian Federation

marinazlobina1991@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-8793-9546>

Abstract

The article presents the results of psychometric properties analysis of the conformity scale by Mehrabian and Stelf (1995). To date, there are no scales in Russian that would allow assessing the degree of conformity. One of such scales is the Conformity Scale developed by Mehrabian and Stelf (1995). They define conformity as willingness to identify with others and emulate them, to give in to others to avoid conflict, and generally, to be a follower rather than a leader in terms of ideas, values, and behaviors. Our study include 287 subjects aged 18 to 55 years (72 men and 215 women). It was shown that the Russian version of the Mehrabian and Stelf Conformity Scale has convergent and discriminant validity, satisfactory internal consistency, but weak test-retest reliability. As a result of the analysis of the internal structure of the scale, it was shown that the one-factor model proposed by the authors of the scale demonstrates a good fit to the data. A two-factor model, in which direct and reversed items loaded on different factors, demonstrated excellent fit to the data. This result, however, may be due to the tendency of the direct and reverse items to load on different factors rather than to the nature of the construct of conformity. A comparison of men and women did not reveal any differences in conformity level, which indicates the universal nature of this phenomenon. Future directions of research may include analysis of other types of validity and be aimed at improving test-retest reliability.

Keywords

conformity, conformity scale, psychometric properties

Funding

The reported study was funded by the Russian Science Foundation, project No 23-28-00771

For citation

Zlobina M. V. Psychometric Properties of the Conformity Scale (A. Mehrabian and C. Stelf). *Reflexio*, 2023, vol. 16, no. 2, pp. 29–42. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2023-16-2-29-42

Введение

Каждый день человек совершает выбор и принимает решения. Эти решения не всегда и не в полной мере зависят от намерений, стремлений и желаний самого субъекта. На решения и поведение человека влияет множество факторов, включая его окружение. Широко известны факты, свидетельствующие о том, что человек склонен к изменению своих оценок и суждений под влиянием других людей. Понятием, воплощающим такое изменение оценок, суждений и поведения под давлением других людей, является понятия конформности. Одним из первых в психологии о феномене конформности и социального давления заговорил в середине XX в. С. Аш. Его ставшие классическими эксперименты породили исследовательский интерес к феномену социальной конформности, который не угасает и сегодня.

В современной психологии под конформизмом понимается изменение поведения или убеждений индивида в результате давления группы [Майерс, 2005]. «Конформность констатируется там и тогда, где и когда фиксируется наличие конфликта между мнением индивида и мнением группы и преодоление этого конфликта в пользу группы. Мера конформности – это мера подчинения группе в том случае, когда противопоставление мнений субъективно воспринималось индивидом как конфликт» [Панина и Ершова, 2010. С. 816]. Панина и Ершова (2010) отмечают, что конформность представляет собой податливость человека реальному или воображаемому давлению группы, которая проявляется в изменении его поведения и установок по отношению к первоначально не разделявшей им позиции большинства [Панина и Ершова, 2010].

В отечественной литературе можно встретить два схожих термина: «конформизм» и «конформность». Большинство исследователей не ставит принципиальных разграничений между этими понятиями, однако встречаются и указания на их отличия. К примеру, И. А. Рудакова отмечает, что конформизм – это, в первую очередь, социальная категория, связанная с определенными действиями, поведением человека или группы, тогда как конформность – психологическая особенность индивида, присущая в разной степени каждому человеку [Рудакова, 2016].

Социальная конформность имеет свой смысл. Не будучи уверенным в своих знаниях и не обладая достаточным опытом, человек полагается на мнение большинства. Такая стратегия зачастую может оказаться достаточно эффективной. Вероятно, именно поэтому феномен конформности является довольно универсальным, что не раз было продемонстрировано в большом количестве исследований. К примеру, в ряде исследований была показана кросс-культурная устойчивость феномена конформности. Так, Т. Amir (1984) воспроизвел эксперимент С. Аша и показал эффект конформности на выборке студентов из Кувейта [Amir, 1984]. В исследовании F. Neto (1995) показан эффект конформности на португальской выборке [Neto, 1995]. В исследовании Morigi и Arai (2010) эффект конформности был показан на японской выборке [Morigi, Arai,

2010]. Utso и коллеги (2019) продемонстрировали «эффект Аша» на выборке боснийских студентов [Ušto, Drače, Hadžiahmetović, 2019]. Эффект конформности также наблюдается среди людей различного возраста, в том числе детей [Hanayama, Mori, 2011]. В последние годы появляются исследования, которые свидетельствуют о том, что феномен конформности проявляется не только в реальных, но и в виртуальных условиях [Kyriltsias, Michael-Grigoriou, 2018; Wijenayake, Van Berkel, Kostakos, и др., 2020; Bocian, Gonidis, Everett, 2024], а также в условиях присутствия в группе давления социальных роботов [Qin, Chen, Yam, и др., 2022].

Отдельный интерес представляет вопрос об измерении степени конформности. Проведение экспериментов, позволяющих дать точное и объективное представление о том или ином феномене, не всегда возможно в реальной исследовательской практике. Зачастую исследователи оказываются вынуждены прибегать к использованию опросников. Метод опросников обладает рядом преимуществ по сравнению с другими исследовательскими и психодиагностическими процедурами: он отличается относительной простотой проведения и обработки данных, объективностью, возможностью в короткие сроки получить большое количество данных. Насколько нам известно, на русском языке на сегодняшний день отсутствуют валидизированные шкалы, направленные на оценку конформности. Одним из таких инструментов, позволяющих оценить степень конформности, является шкала, разработанная в 1995 г. Mehrabian и Stelf [Mehrabian, Stelf, 1995].

Согласно Mehrabian и Stelf (1995), признаками конформного человека являются: подражание доминирующим людям, следование групповым тенденциям, склонность полагаться на советы и предложения других, легкость убеждения. В совокупности эти признаки подразумевают готовность человека подчиняться контролю со стороны других [Mehrabian, Stelf, 1995]. Конформность определяется авторами как готовность идентифицировать себя с другими и подражать им, уступать другим, чтобы избежать конфликта, быть, скорее, последователем, а не лидером с точки зрения идей, ценностей и поведения [Mehrabian, Stelf, 1995]. В рамках модели темперамента PAD (trait Pleasure-displeasure, trait Arousability, trait Dominance-submissiveness – черта «удовольствие-неудовольствие», черта «возбудимость», черта «доминирование-покорность» соответственно) ими была разработана шкала конформности.

Таким образом, **целью** настоящего исследования стала оценка психометрических характеристик шкалы конформности Mehrabian и Stelf (1995).

Выборка

Всего в исследовании приняли участие 287 человек в возрасте от 18 до 55 лет ($M = 24,2$, $SD = 9,3$). Доля мужчин составила 25,08 % (72 человека), доля женщин составила 74,92 % (215 человека) от общего числа респондентов. В выборку вошли представители различных профессий. Сто тридцать че-

тыре человека указали, что являются студентами различных специальностей. В исследовании, направленном на оценку ретестовой надежности, приняли участие 30 человек (2 мужчин, 28 женщин) из общего числа испытуемых, в возрасте от 18 до 33 лет ($M = 19,1$, $SD = 2,77$), студенты направления «Психология» Института медицины и психологии В. Зельмана НГУ.

Процедура

На первом этапе исследования была проведена проверка внутренней согласованности и анализ внутренней структуры опросника. На втором этапе осуществлялась проверка конвергентной и дискриминантной валидности методики, а также оценка ретестовой надежности. Повторный сбор данных для оценки ретестовой надежности был выполнен спустя три недели.

Сбор данных осуществлялся с помощью сервиса Google-формы. Математико-статистический анализ данных осуществлялся с помощью статистического пакета Jamovi 2.3.28

Инструменты

Шкала конформности Mehrabian [Mehrabian, Stelf, 1995]. Для оценки степени конформности была использована шкала конформности, разработанная Mehrabian и Stelf, (1995). Методика состоит из 11 утверждений, с каждым из которых испытуемому предлагается выразить степень своего согласия по шкале от -4 (абсолютно не согласен) до $+4$ (абсолютно согласен). Внутренняя согласованность оригинальной версии шкалы, как указывают авторы методики, составила $0,77$ (коэффициент альфа Кронбаха), анализ внутренней структуры оригинальной шкалы методом главных компонент выявил однофакторное решение (Mehrabian, Stelf, 1995).

Краткая форма личностного опросника Айзенка (ЛЮА-К) [Слободская, Князев, Сафронова, 2006]. Для оценки дискриминантной валидности была использована краткая форма личностного опросника Айзенка в адаптации Слободской, Князева и Сафроновой, (2006). Методика состоит из 28 вопросов, на каждый из которых испытуемому предлагается ответить ДА или НЕТ. Пункты опросника группируются в четыре шкалы: Экстраверсия, Нейротизм, Психотизм и шкала Лжи. Опросник предъявлялся полностью, для оценки дискриминантной валидности использовалась только шкала Лжи.

Сценарии конформности. Для оценки конвергентной валидности нами были использованы специально разработанные сценарии. Испытуемому предлагается краткое описание ситуации, включающей конфликт, и два варианта решения: в пользу индивида или в пользу группы (конформный ответ). В общей сложности было использовано 14 сценариев, 7 из которых относились к ситуации выбора в реальных условиях и 7 – в условиях виртуальной реальности. За каждый ответ в пользу группы испытуемому начисляется один балл,

после чего баллы суммируются. Примеры ситуаций представлены в Приложении.

Результаты

Внутренняя согласованность. С целью проверки внутренней согласованности шкалы был использован коэффициент альфа Кронбаха. По результатам проверки надежности методики по внутренней согласованности коэффициент альфа Кронбаха составил 0,703.

Внутренняя структура. Для оценки внутренней структуры опросника нами был проведен конфирматорный факторный анализ методом максимального правдоподобия с поправкой Саторры – Бентлера. С целью оценки пригодности модели были использованы следующие индексы:

- $\chi^2, p > 0,05$; 2) RMSEA $< 0,05$; 3) SRMR $< 0,05$; 4) CFI $> 0,95$; 5) GFI $> 0,95$;
6) MFI $> 0,95$ – отличное соответствие модели данным;
- $\chi^2, p > 0,05$; 2) RMSEA $< 0,06$; 3) SRMR $< 0,08$; 4) CFI $> 0,90$; 5) GFI $> 0,90$;
6) MFI $> 0,90$ – хорошее соответствие модели данным.

Было проверено три модели. На первом этапе проверялась однофакторная модель, предложенная авторами методики. Показатели данной модели достигли хорошего, но не отличного соответствия данным. Поскольку зачастую внутренняя структура методики может быть обусловлена нагруженностью инвертированных пунктов на другой фактор, было принято решение проверить двухфакторную структуру, где первый фактор включает прямые, а второй – обратные пункты. Полученные результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1

Индексы пригодности однофакторной модели шкалы конформности Mehrabian и Stelf

Модели	χ^2	p	RMSEA (95 % CI от 0,000 до 0,049)	SRMR	CFI	GFI	MFI
Однофакторная модель (Mehrabian, Stelf, 1995)	72,3	$< 0,005$	0,046 (0,028–0,063)	0,051	0,918	0,955	0,930
Двухфакторная модель	45,7	0,361	0,015 (0,000–0,041)	0,041	0,992	0,973	0,979

Ретестовая надежность. Сбор данных для оценки ретестовой надежности осуществлялся спустя три недели. Для оценки ретестовой надежности был использован коэффициент корреляции Пирсона. По результатам проверки ретестовой надежности коэффициент корреляции Пирсона составил 0,598 ($p < 0,001$).

Конвергентная валидность. Для оценки конвергентной валидности шкалы конформности Mehrabian были использованы специально разработанные сценарии. Мы исходили из следующего предположения: если шкала действительно измеряет склонность к конформному поведению, тогда количество конформных ответов в ситуации конфликта будет выше в группе лиц с более высокими показателями по шкале. Для проверки данного предположения мы разделили нашу выборку по показателям шкалы конформности и сравнили группы с высокими и низкими значениями.

В первую группу, группу лиц с более высокими показателями по шкале конформности (от 5 до 26 баллов), вошли 78 человек (62 женщины и 16 мужчин), в возрасте от 18 до 52 лет ($M = 24,6$, $SD = 9,2$). Во вторую группу, группу с низкими значениями по шкале конформности (от -40 до -12 баллов), вошло 73 человека (52 женщины и 21 мужчина), в возрасте от 18 до 55 лет ($M = 25$, $SD = 10,1$).

По результатам сравнения групп по критерию U Манна – Уитни было показано, что в группе лиц с высокими показателями по шкале конформности количество конформных ответов значимо больше. Полученные результаты представлены в табл. 2. Описательные статистики по показателям конформных ответов среди группы с высокими и низкими показателями по шкале конформности представлены в табл. 3.

Таблица 2

Сравнение средних значений по показателям конформных ответов среди группы с высокими и низкими показателями по шкале конформности Mehrabian и Stelf

Тест Манна – Уитни		Размер эффекта (рангово-бисериальная корреляция)
U	p	
1846	<,001	0,352

Таблица 3

Описательные статистики по показателям конформных среди группы с высокими и низкими показателями по шкале конформности Mehrabian и Stelf

Показатели	N	M	Me	SD	SE
Высокие показатели конформности	78	6,51	7,00	2,16	0,245
Низкие показатели конформности	73	5,25	5,00	1,67	0,196

Дискриминантная валидность. Для оценки дискриминантной валидности с целью анализа смещения ответов, которое может быть вызвано социальной желательностью, была использована шкала Лжи краткой формы личностного опросника Айзенка (ЛЖА-К).

В результате корреляционного анализа с использованием коэффициента корреляции Спирмена значимых связей со шкалой Лжи опросника ЛЮА-К обнаружено не было ($\rho = -0,015$, $p = 0,796$).

Гендерные различия. Поскольку выборка в нашем исследовании не была уравновешена по полу, мы провели сравнение групп мужчин и женщин по показателю шкалы конформности с использованием непараметрического критерия U Манна – Уитни. Учитывая универсальную природу феномена конформности, мы предположили, что группы мужчин и женщин не будут отличаться по данному параметру. Данное предположение нашло свое отражение в полученных результатах (табл. 4).

Таблица 4

Сравнение средних значений шкалы конформности Mehrabian и Stelf среди мужчин и женщин

Тест Манна – Уитни	
U	p
6786	0,118

Таблица 5

Описательные статистики шкалы конформности Mehrabian и Stelf

Мужчины				Женщины			
M	Me	SD	SE	M	Me	SD	SE
-6,11	-4,00	12,2	1,44	-2,86	-3,0	12,7	0,863

Обсуждение

Одним из наиболее распространенных методов исследования в современной психологии является опросный метод. Существенным преимуществом использования в исследовании шкал и опросников является относительная простота их заполнения и обработки данных, возможность в короткие сроки получить большое количество данных, их объективность, а также возможность математико-статистической обработки и количественного анализа исследуемых параметров. Насколько нам известно, несмотря на растущую актуальность изучения феномена социальной конформности, на сегодняшний день на русском языке отсутствуют шкалы и опросники, которые были бы направлены на его оценку. Исходя из этого, цель настоящего исследования заключалась в оценке психометрических характеристик шкалы конформности, разработанной Mehrabian и Stelf (1995).

В результате проведенного исследования было показано, что шкала обладает удовлетворительной внутренней согласованностью: коэффициент альфа Кронбаха составил 0,7. Хотя оригинальная версия шкалы обладает несколько

более высоким показателем внутренней согласованности (коэффициент альфа Кронбаха в оригинальном исследовании составил 0,77), данное значение все же можно считать удовлетворительным [Наследов, 2007].

Анализ ретестовой надежности с использованием коэффициента корреляции Пирсона показал, что шкала обладает слабой ретестовой надежностью.

При анализе внутренней структуры методики мы опирались на данные авторов шкалы, согласно которым методика обладает однофакторной структурой [Mehrabian, Stelf, 1995]. Поэтому на первом этапе анализа внутренней структуры шкалы конформности мы провели конфирматорный факторный анализ и проверили однофакторную модель. Хотя среди исследователей существуют разногласия относительно точных значений индексов соответствия, результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что однофакторная модель, предложенная авторами методики, демонстрирует хорошее соответствие данным нашей выборки. Поскольку зачастую обратные пункты могут быть нагружены на другой фактор, на следующем этапе мы также проверили двухфакторную модель, с прямыми и обратными пунктами, нагруженными на два фактора. Данная модель продемонстрировала отличное соответствие данным. Сам по себе этот результат, однако, не может свидетельствовать в пользу двухфакторной структуры самого конструкта конформности, но может свидетельствовать о влиянии формулировок прямых и обратных вопросов на ответы испытуемых [Kam, Meyer, Sun, 2021].

С целью анализа конвергентной валидности нами были использованы описания ситуаций, в которых испытуемым предлагалось выбрать один из вариантов ответа: в пользу индивида или конформный ответ, в пользу группы. В результате сравнения групп с высокими и низкими показателями по шкале конформности, было показано, что в группе лиц с более высокими показателями количество конформных ответов больше. Этот результат позволяет нам сделать вывод о том, что шкала конформности обладает конвергентной валидностью. О дискриминантной валидности методики свидетельствует отсутствие значимых связей между показателями шкалы конформности и шкалы Лжи опросника Айзенка ЛОА-К.

В связи с тем, что в нашей выборке количество мужчин и женщин было неодинаковым, дополнительно нами было принято решение провести сравнение групп мужчин и женщин. В литературе существуют противоречивые данные, касающиеся различий мужчин и женщин в степени конформности. Eagly и Chryvala (1986) указывают, что женщины в большей степени, чем мужчины, оказываются подвержены социальному давлению [Eagly, Chryvala, 1986]. В более поздних исследованиях, однако, показано отсутствие различий в степени социальной конформности между мужчинами и женщинами (см., например, [Wijenayake et al., 2020]). В своем исследовании мы не получили значимых различий между группами мужчины и женщины по показателю конформности шкалы конформности Mehrabian, что свидетельствует в пользу универсального характера данного феномена.

Заключение

С момента проведения С. Ашем своих классических экспериментов прошло уже более семидесяти лет, однако и на сегодняшний день изучение феномена конформности остается актуальной темой исследований. Одним из перспективных направлений исследований в данной области является разработка психодиагностических инструментов, направленных на оценку степени конформности. Настоящая работа была посвящена оценке психометрических характеристик русскоязычной версии шкалы конформности Mehrabian и Stelf (1995). Анализ психометрических характеристик показал, что шкала обладает конвергентной и дискриминантной валидностью, удовлетворительной внутренней согласованностью, однако слабой ретестовой надежностью. Анализ внутренней структуры методики позволил сделать вывод, что хорошее соответствие данным демонстрирует однофакторная модель. Таким образом, можно сделать вывод о том, что полученные результаты в целом согласуются с данными, полученными при разработке оригинальной версии шкалы, а русскоязычный вариант шкалы конформности Mehrabian и Stelf может быть использован при оценке уровня конформности на русскоязычной выборке. Дальнейшие направления исследования могут включать уточнение внутренней структуры методики, оценку других видов валидности, а также быть направлены на улучшение ретестовой надежности методики. Анализ и разработка психодиагностического инструментария, позволяющего оценить индивидуальную степень конформности, представляется перспективным направлением исследований в современной психологии.

Список литературы

- Майерс Д.* Социальная психология / Пер. с англ. В. Гаврилова и др., 7-е изд. СПб.: Питер, 2005.
- Наследов А.* IBM SP SS Statistics 20 и AMOS: профессиональный статистический анализ данных. СПб.: Питер, 2013.
- Панина С. И., Ершова Р. В.* Проявление конформизма у старших дошкольников // Экспериментальная психология в России: традиции и перспективы / Под ред. В. А. Барабанщикова. М.: Институт психологии РАН, 2010.
- Рудакова И. А.* Специфика конформизма и его отличия от других явлений социальной действительности // Наука. Общество. Государство, 2016. Т. 4. № 2.
- Amir T.* The Asch conformity effect: a study in Kuwait // Social Behavior and Personality: an international journal, 1984. Т. 12. № 2. С. 187–190.
- Vocian K., Gonidis L. u др.* Moral conformity in a digital world: Human and nonhuman agents as a source of social pressure for judgments of moral character // PLOS ONE, 2024. Т. 19. № 2. С. e0298293.
- Eagly A. H., Chrvala C.* Sex Differences in Conformity: Status and Gender Role Interpretations // Psychology of Women Quarterly, 1986. Т. 10. № 3. С. 203–220.

Hanayama A., Mori K. Conformity of Six-Year-Old Children in the Asch Experiment without Using Confederates // *Psychology*, 2011. Т. 02. № 07. С. 661–664.

Kam C. C. S., Meyer J. P. u др. Why Do People Agree With Both Regular and Reversed Items? A Logical Response Perspective // *Assessment*, 2021. Т. 28. № 4. С. 1110–1124.

Kyrlitsias C., Michael-Grigoriou D. Asch conformity experiment using immersive virtual reality // *Computer Animation and Virtual Worlds*, 2018. Т. 29. № 5. С. e1804.

Mehrabian A., Steff C. A. Basic temperament components of loneliness, shyness, and conformity // *Social Behavior and Personality: an international journal*, 1995. Т. 23. № 3. С. 253–263.

Mori K., Arai M. No need to fake it: Reproduction of the Asch experiment without confederates // *International Journal of Psychology*, 2010. Т. 45. № 5. С. 390–397.

Neto F. Conformity and independence revisited // *Social Behavior and Personality: an international journal*, 1995. Т. 23. № 3. С. 217–222.

Qin X., Chen C. u др. Adults still can't resist: A social robot can induce normative conformity // *Computers in Human Behavior*, 2022. Т. 127. С. 107041.

Ušto M., Drače S. u др. Replication of the «Asch effect» in Bosnia and Herzegovin: evidence for the moderating role of group similarity in conformity // *Psihologijske teme*, 2019. Т. 28. № 3. С. 589–599.

Wijenayake S., Van Berkel N. u др. Impact of contextual and personal determinants on online social conformity // *Computers in Human Behavior*, 2020. Т. 108. С. 106302.

References

Amir, T. (1984). The Asch conformity effect: a study in Kuwait. *Social Behavior and Personality: An International Journal*, 12(2), 187–190. <https://doi.org/10.2224/sbp.1984.12.2.187>

Bocian, K., Gonidis, L., & Everett, J. A. C. (2024). Moral conformity in a digital world: Human and nonhuman agents as a source of social pressure for judgments of moral character. *PLOS ONE*, 19(2), e0298293. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0298293>

Eagly, A. H., & Chivala, C. (1986). Sex Differences in Conformity: Status and Gender Role Interpretations. *Psychology of Women Quarterly*, 10(3), 203–220. <https://doi.org/10.1111/j.1471-6402.1986.tb00747.x>

Hanayama, A., & Mori, K. (2011). Conformity of Six-Year-Old Children in the Asch Experiment without Using Confederates. *Psychology*, 02(07), 661–664. <https://doi.org/10.4236/psych.2011.27100>

Kam, C. C. S., Meyer, J. P., & Sun, S. (2021). Why Do People Agree With Both Regular and Reversed Items? A Logical Response Perspective. *Assessment*, 28(4), 1110–1124. <https://doi.org/10.1177/10731911211001931>

Kyrlitsias, C., & Michael-Grigoriou, D. (2018). Asch conformity experiment using immersive virtual reality. *Computer Animation and Virtual Worlds*, 29(5), e1804. <https://doi.org/10.1002/cav.1804>

Maiers D. *Sotsial'naiia psikhologiiia* [Social psychology]. SPb.: Piter, 2005. (in Russ)

Mehrabian, A., & Steff, C. A. (1995). Basic temperament components of loneliness, shyness, and conformity. *Social Behavior and Personality: An International Journal*, 23(3), 253–263. <https://doi.org/10.2224/sbp.1995.23.3.253>

Mori, K., & Arai, M. (2010). No need to fake it: Reproduction of the Asch experiment without confederates. *International Journal of Psychology*, 45(5), 390–397. <https://doi.org/10.1080/00207591003774485>

Nasledov A. *IBM SP SS Statistics 20 i AMOS: professional'nyi statisticheskii analiz dannyykh* [IBM SP SS Statistics 20 and AMOS: professional statistical data analysis.]. SPb.: Piter, 2013. 416 s. (in Russ)

Neto, F. (1995). Conformity and independence revisited. *Social Behavior and Personality: An International Journal*, 23(3), 217–222. <https://doi.org/10.2224/sbp.1995.23.3.217>

Panina S. I., Ershova R. V. Proiavlenie konformizma u starshikh doshkol'nikov [Manifestation of conformity in older preschoolers] // *Ekspierimental'naiia psikhologiiia v Rossii: traditsii i perspektivy* / M.: 2010. (in Russ)

Qin, X., Chen, C., Yam, K. C., Cao, L., Li, W., Guan, J., Zhao, P., Dong, X., & Lin, Y. (2022). Adults still can't resist: A social robot can induce normative conformity. *Computers in Human Behavior*, 127, 107041. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2021.107041>

Rudakova I. A. Spetsifika konformizma i ego otlichiiia ot drugikh iavlenii sotsial'noi deistvitel'nosti [The specificity of the conformism and its differences from other phenomena of social reality] / *Elektronnyi nauchnyi zhurnal «Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo»*. (in Russ)

Ušto, M., Drače, S., & Hadžiahmetović, N. (2019). Replication of the «Asch effect» in Bosnia and Herzegovina: Evidence for the moderating role of group similarity in conformity. *Psihologijske Teme*, 28(3), 589–599. <https://doi.org/10.31820/pt.28.3.7>

Wijenayake, S., Van Berkel, N., Kostakos, V., & Goncalves, J. (2020). Impact of contextual and personal determinants on online social conformity. *Computers in Human Behavior*, 108, 106302. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2020.106302>

Примеры ситуаций, предполагающих конформные решения

1. Вы работаете в команде над проектом. Руководство Вашей компании ожидает блестящие результаты по данному проекту, однако Вы видите, что проект не оправдывает вложенных в него затрат. Ваши коллеги предлагают сфальсифицировать данные отчета, чтобы руководство не закрыло проект. Ваши действия:

- 1) честно признаться, что проект провалился;
- 2) поддержать коллег и представить руководству ложные данные о проекте.

2. Вы вместе с друзьями посещаете выставку картин вашего общего друга. Ваши друзья высоко оценивают выставку, хотя Вам она явно не нравится. Вы предпочтете:

- 1) соврать о том, что выставка вам понравилась, чтобы не обижать друга;
- 2) дать честную, хоть и неприятную, обратную связь своему другу.

3. Компания, в которой Вы работаете, избрала стратегию распространения ложной информации о фирме-конкуренте в Сети. Вам предлагается оставлять негативные отзывы на конкурентов на сайтах и в социальных сетях, хотя на самом деле Вы не согласны с подобной оценкой фирмы-конкурента. Другие Ваши коллеги уже начали оставлять негативные отзывы в Сети. Вы предпочтете:

- 1) оставить несколько отрицательных комментариев и, таким образом, принести возможную выгоду своей организации;
- 2) не оставлять отрицательные отзывы, но тогда Ваша компания может проиграть конкурентам.

4. Вы выполняете совместный групповой учебный проект. Участник Вашей команды предложил сэкономить время и использовать для написания части проекта нейросеть. Другие участники команды поддержали его идею, хотя использование нейросетей недопустимо по условиям проекта. Ваши действия:

- 1) использовать нейросеть;
- 2) не использовать нейросеть.

Информация об авторе

Злобина Марина Владимировна – научный сотрудник лаборатории исследования морального поведения, старший преподаватель кафедры психологии личности Института медицины и психологии В. Зельмана Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Россия
Author ID RSCI 959328

Information about the Authors

Marina V. Zlobina – senior lecturer of the Section of Personality Psychology at the V. Zelman Institute for the Medicine and Psychology of Novosibirsk State University, Researcher of the Laboratory of Moral Behavior (Novosibirsk, Russian Federation)
Author ID RSCI 959328

Материал поступил в редколлегию 19.02.2024
The article was submitted 19.02.2024

Научная статья

УДК 159.9.072.5

DOI 10.25205/2658-4506-2023-16-2-43-58

Разработка и апробация опросника мыслительного потока

Елена Алексеевна Дорошева

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

Научно-исследовательский институт медицины и нейронаук
Новосибирск, Россия

elena.dorosheva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9593-4345>

Аннотация

Статья посвящена проблематике изучения компонентов внутренней речи и их популяционного разнообразия. Также рассматривается представленность визуальных образов в контексте мыслительной активности человека. На выборке, включившей 694 респондента, показан удовлетворительный уровень психометрических характеристик разработанного нами опросника мыслительного потока. Результаты исследования указывают на широкую индивидуальную вариативность изученных компонентов внутренней речи (повествования и споры, обращения к себе, к вымышленному собеседнику или к репрезентации знакомого человека, наличие ответов от воображаемого собеседника, усиление разных компонентов внутренних диалогов и монологов в стрессе) и частоты и яркости внутренних визуальных образов.

Ключевые слова

внутренняя речь, внутренние визуальные образы, опросник мыслительного потока, внутренний монолог, внутренний диалог

Источник финансирования

Исследование выполнено в ходе госзадания НИИИМ, регистрационный номер ЦИТиС: 122042700001-9.

Благодарности

Автор благодарит выпускницу ИМПЗ НГУ Гольдфельд Софью Вячеславовну за участие в разработке опросника и сборе данных.

Для цитирования

Дорошева Е. А. Разработка и апробация опросника мыслительного потока // Reflexio. 2023. Т. 16, № 2. С. 43–58. DOI 10.25205/2658-4506-2023-16-2-43-58

© Дорошева Е. А., 2023

Development and Adaptation of Thought Stream Questionnaire

Elena A. Dorosheva

Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russian Federation

Scientific Research Institute of Neurosciences and Medicine
Novosibirsk, Russian Federation

elena.dorosheva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9593-4345>

Abstract

The article is devoted to problems of studying the components of inner speech and their population diversity. Representation of visual images in the context of human thought activity is also considered. The sample, which included 694 respondents, shows a satisfactory level of psychometric characteristics of the Thought Stream Questionnaire developed by us. The results of the study indicate a wide individual variability of the studied components of inner speech (narratives and disputes, addressing to oneself, to an imagined interlocutor or to a representation of a familiar person, presence of answers from an inner interlocutor, intensification of different components of internal dialogues and monologues in stress) and frequency and brightness of internal visual images.

Keywords

Thought stream, inner speech, inner visual images, Thought Stream Questionnaire, internal monologue, internal dialogue

Funding

The work was performed in accordance with the state research contract by Scientific Research Institute of Neurosciences and Medicine, CITiS registration number: 122042700001-9.

Acknowledgments

The author thanks Sofia Vyacheslavovna Goldfeld, a graduate of V. Zelman Institute for Medicine and Psychology of the NSU, for her participation in the development of the questionnaire and data collection.

For citation

Dorosheva E. A. Development and adaptation of Thought Stream Questionnaire. *Reflexio*, 2023, vol. 16, no. 2, pp. 43–58. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2023-16-2-43-58

Введение

Проблема изучения феномена внутренней речи связана с его трудноуловимостью, хотя «разговор с самим собой» является повседневным явлением, измерить его объективно представляется практически невозможным. Дж. Б. Уотсоном, И. М. Сеченовым, В. М. Бехтеревым и другими авторами высказывалось предположение о том, что внутренняя речь является поведенческим феноменом, основанным на обучении и сопровождаемым микродвижениями мышц артикуляционного аппарата (по: [Костина, 2012; Alderson-Day, Fernyhough, 2015]), однако единственным доступным полноценной фиксации поведенческим проявлением родственного феномена в детском возрасте выступает эгоцентрическая речь. Согласно Л. С. Выготскому, интериоризация

эгоцентрической речи приводит к формированию внутренней речи, используемой для планирования и регуляции поведения, решения задач. Особенности эгоцентрической речи в старшем дошкольном возрасте, накануне предполагаемого превращения во внутренний психический процесс, Л. С. Выготский рассматривал как универсальные (присущие всем людям) свойства внутренней речи [Выготский, 2019].

Позже было показано, что, помимо отмеченной еще Л. С. Выготским индивидуальности звучания, организации и смыслового наполнения речевых единиц, внутренняя речь обладает высокой вариативностью и других показателей: от частоты ее возникновения, которая может занимать от 0 до 100 % дневного времени [Hurlburt et al., 2013], до степени развернутости или свернутости, которая может варьировать не только у разных людей, но и у одного и того же человека при смене эмоционального состояния и уровня сложности решаемых с помощью нее задач [Winsler et al., 2009]. Степень, в которой человек оценивает внутреннюю речь как подконтрольно генерируемую им самим или вне его воли возникающей в пространстве его психики, также широко варьирует. Чаще внутренняя речь описывается как активно формируемая самим человеком, но описывается и неконтролируемое повторение стереотипных отрицательно окрашенных мыслей – руминаций [Watkins, 2008], всплытие сознательно подавляемых нежелательных мыслей [Wegner et al., 1987], спонтанное переключение с выполняемой задачи на посторонние размышления (*mind wandering*) [Smallwood, Schooler, 2015], автоматическое воспроизведение выученных текстов, например, стихотворения или песни [Hurlburt et al., 2013] и как бы прослушивание собственного или чужого голоса (*inner hearing*) [Alderson-Day, Fernyhough, 2015]. Феномен отчужденности собственной внутренней речи при сохранении понимания встречается и на нормативной выборке [Heavey, Hurlburt, 2008], но в большей мере свойствен пациентам с диссоциативной симптоматикой, например, в случае малопрогрессирующей шизофрении [Давтян и др., 2017].

Выделяют диалогическую и монологическую формы внутренней речи; их распространенность также имеет индивидуальную, возможно, ситуационную вариативность [Alderson-Day et al., 2018].

Способы изучения внутренней речи включают ретроспективные методы – самоописание, интервьюирование, использование опросников, анализ художественных текстов, где автор транслирует свой опыт через описываемых персонажей [Синельникова, 2005], анализ клинических случаев [Watkins, 2000]. Один из наиболее применяемых в настоящее время опросников – VISQ (Varieties of Inner Speech Questionnaire). Revised VISQ имеет пять шкал: диалоговая внутренняя речь, сжатая внутренняя речь, другие люди во внутреннем диалоге, оценивание и позитивный диалог [Alderson-Day et al., 2018]. На русский язык переведена, модифицирована и используется в немногочисленных исследованиях Шкала внутренней диалоговой активности [Oleś, Puchalska-Wasył, 2012; Астрцов, Леонтьев, 2015]; ее оригинальная версия измеряет

разные функциональные аспекты внутреннего диалога (7 субшкал), в то время как российская адаптация имеет трехфакторную структуру и описывает общую интенсивность внутреннего диалога, склонность к мысленным моделированиям окружающего мира и к размышлениям в контексте собственных внутренних конфликтов, т. е. в большей мере ориентирована на содержательные составляющие размышлений.

Изучаются отдельные аспекты внутренних размышлений, например, мечты и фантазии (Imaginal Process Inventory; The Daydream Frequency Scale [Singer, Antrobus, 1970]), руминации различного характера (Ruminative Responce Scale [Treyner et al., 2003]) и т. д. Экспериментальные ситуации, в которых можно уловить текущий мыслительный поток испытуемых, включают использование устройств, где можно отмечать возникновение мыслей или по сигналу описывать их в момент его восприятия [Csikszentmihalyi, Larson, 2014].

Нами предпринята попытка разработки собственного опросника, измеряющего выраженность разных аспектов организации мыслительного потока, не присутствующих либо присутствующих частично в существующих методиках.

Материалы и методы

Разработка опросника мыслительного потока. При разработке опросника мы опирались на соображения о том, что индивидуальные различия в организации внутренней речи касаются представленности внутреннего монолога и внутреннего диалога [Alderson-Day et al., 2018]; описываются коммуникации с собеседниками разного рода – с самим собой, с «другим» самим собой, с репрезентацией реальных людей из окружения, известных людей либо с вымышленными персонажами [Давтян и др., 2017; Watkins, 2000]; показана интенсификация мыслительного потока в стрессовых ситуациях, ярко выраженная при наличии психопатологических симптомов и, возможно, также являющаяся переменной индивидуальных различий [Давтян и др., 2017]. Также учитывались описания прошлого опыта и текущей ситуации. Дополнительно были добавлены два пункта, описывающие частоту возникновения внутренних зрительных образов – по данным некоторых исследований, например, в таком феномене как *mind wandering* они составляют до 70 % [29].

Разработанный опросник включает 29 утверждений. Для 28 утверждений использовалась пятибалльная шкала, оценивающая частоту проявлений мысленных разговоров/споров с самим собой или воображаемым собеседником, а также (пункт 28) частоты появления внутренних образов: 1 – никогда; 2 – очень редко; 3 – иногда; 4 – часто; 5 – очень часто; пункт 29 предполагал оценку яркости внутренних образов по шкале: 1 – не возникают, 2 – не яркие, 3 – скорее яркие, 4 – яркие, 5 – очень яркие.

Другие использованные методики. Для использования конвергентной валидности опросника применяли шкалы, измеряющие автоматизированную внутреннюю речь – Шкалу руминаций, измеряющую отрицательно окрашен-

ные навязчивые размышления и рефлексивные повторяющиеся мысли [Дорошева, Князев, 2017]; Шкалу подавления мыслей, вызывающих нежелательные эмоции (для которых характерно их неконтролируемое всплывание) [Дорошева, 2024].

Статистическая обработка данных. Использовался пакет статистической обработки данных StatSoft Inc. STATISTICA 10. Для определения структуры опросника использовали метод главных компонент; для определения надежности выделенных субшкал – коэффициент альфа Кронбаха; для определения корреляции пунктов с суммарным значением показателя опросника, определения конвергентной валидности и становления взаимосвязей показателей опросника в целом и его субшкал с возрастом респондентов – коэффициент корреляции Пирсона; для сравнения показателей методики у мужчин и женщин – t-критерий Стьюдента. Для выявления распространенности разных вариантов внутренней речи применяли методы описательной статистики.

Выборка. В исследовании приняли участие 694 респондента, из них 465 женщин и 229 мужчин, в возрасте от 13 до 85 лет (средний возраст – 25 лет). Респонденты отвечали на вопрос о наличии в анамнезе психиатрических диагнозов; в случае положительного ответа производилось исключение из выборки.

Результаты проверки психометрических характеристик опросника

Факторная структура опросника мыслительного потока. Анализ с использованием метода главных компонент с вращением варимакс с нормализацией Кайзера. Было выделено 7 значимых компонентов (график «каменистой осыпи» приведен на рис. 1).

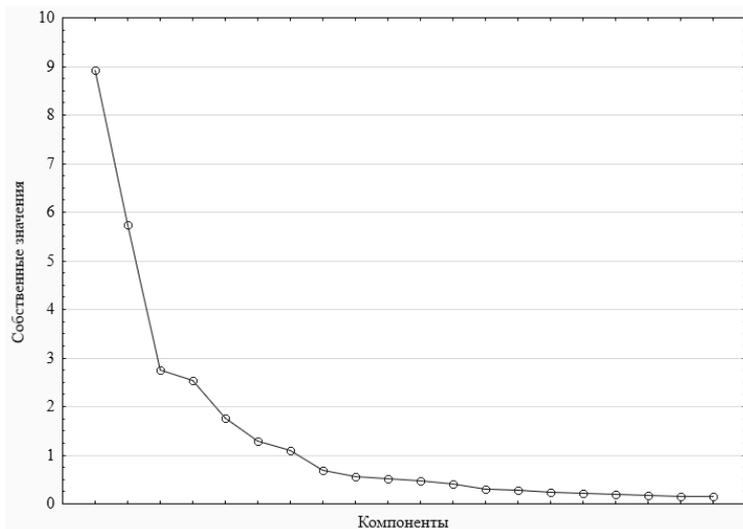

Рис. 1. График «каменистой осыпи»

Для дальнейшего анализа были оставлены те факторы, чьи собственные значения превышают единицу. Данные анализа методом главных компонент приведены в табл. 1.

Таблица 1

Повернутая матрица компонентов

Пункт опросника	Факторная нагрузка						
	1	2	3	4	5	6	7
1	0,055	0,302	0,071	0,105	-0,071	0,807	0,176
2	0,039	0,770	0,182	0,270	0,080	0,302	0,014
3	0,056	0,663	0,087	-0,036	0,005	0,524	0,050
4	0,112	0,814	0,099	0,153	-0,111	0,303	0,025
5	0,834	-0,060	0,200	-0,042	-0,058	0,202	0,109
6	0,871	-0,066	0,088	-0,058	0,021	0,129	0,244
7	0,799	0,077	0,206	-0,028	-0,081	0,100	0,230
8	0,820	0,072	0,140	0,015	0,052	0,098	0,285
9	0,161	0,069	0,926	0,081	0,038	-0,048	0,111
10	0,128	0,230	0,006	0,176	-0,045	0,881	0,098
11	0,237	0,800	-0,048	0,240	-0,064	0,189	-0,118
12	0,134	0,505	0,054	0,212	0,060	0,657	0,102
13	0,888	0,079	0,131	-0,029	-0,008	0,084	-0,137
14	0,915	0,085	0,106	-0,111	0,027	-0,013	-0,046
15	0,905	0,131	0,119	0,144	0,034	-0,109	-0,019
16	0,941	0,132	0,064	0,061	0,047	-0,012	0,012
17	0,200	0,016	0,928	0,075	0,043	0,049	0,114
18	0,355	0,048	0,821	0,050	0,026	0,126	0,238
19	0,034	0,802	-0,001	0,132	0,040	-0,061	0,387
20	-0,005	0,619	-0,055	0,200	0,051	0,303	0,407
21	0,185	0,074	0,358	0,064	0,031	0,279	0,780
22	0,233	0,231	0,358	-0,012	0,009	0,087	0,757
23	-0,185	0,014	0,208	0,825	0,063	0,280	-0,044
24	-0,036	0,237	-0,109	0,872	-0,037	0,074	0,079
25	0,110	0,036	0,150	0,892	0,035	0,045	-0,064
26	0,157	0,266	-0,082	0,869	-0,011	-0,039	0,004
27	-0,230	0,228	0,239	0,717	0,048	0,209	0,260
28	-0,056	-0,013	0,077	0,017	0,936	0,011	0,040
29	0,101	-0,005	0,012	0,028	0,935	-0,066	-0,009
Дисперсия	6,63	4,07	3,02	3,87	1,82	2,79	1,96
Доля дис- персии	0,23	0,14	0,10	0,13	0,06	0,10	0,07

Были выделены 7 факторов, которые могут рассматриваться как субшкалы опросника: 1) наличие вымышленного собеседника, не являющегося репрезентацией значимого человека (5, 6, 7, 8, 13, 14, 15, 16); 2) внутренние

споры (2, 4, 11, 19); 3) наличие воображаемого собеседника – репрезентации значимого человека (9, 17, 18); 4) неконтролируемые ответы во внутреннем диалоге (23, 24, 25, 26, 27), 5) частота/яркость внутренних образов (28, 29); 6) рассказы самому себе (1, 10), 7) усиление обращений к воображаемому собеседнику в стрессе (21, 22). Пункты 3, 12 и 20 не вошли ни в один из факторов (все они относятся к разговорам с «самим собой»).

Расчет согласованности по коэффициенту альфа Кронбаха для опросника в целом и для каждой из субшкал показал результаты, приведенные в табл. 2.

Таблица 2

Альфа Кронбаха для опросника особенностей внутренней речи и его субшкал

Шкала	Альфа Кронбаха
Опросник в целом	0,94
Наличие воображаемого собеседника, не являющегося репрезентацией значимого человека	0,96
Внутренние споры	0,89
Наличие воображаемого собеседника – репрезентации значимого человека	0,77
Неконтролируемые ответы во внутреннем диалоге	0,96
Частота/яркость внутренних образов	0,85
Рассказы самому себе	0,85
Усиление обращений к воображаемому собеседнику в стрессе	0,91

Все субшкалы имеют достаточную согласованность.

Корреляции пунктов опросника с суммарным значением его показателей и значения альфа Кронбаха при удалении пунктов приведены в табл. 3. Коэффициенты корреляций для пунктов 1–27 составляют от 0,51 до 0,66; для пунктов 28 и 29 они ожидаемо меньше – 0,30 в обоих случаях. Тем не менее наблюдаемая связь частоты возникновения визуальных образов и их яркости с интенсивностью мыслительного потока в целом побуждает выдвинуть предположение о существовании общего фактора интенсивности генерации внутренних визуальных образов и речевой продукции.

Конструктивная валидность опросника. Все субшкалы предлагаемого опросника имеют слабые и средние корреляции с показателями руминаций и склонностью к подавлению нежелательных мыслей с их последующим неконтролируемым всплыванием (табл. 4). Не выявляется отчетливой специфики связей. Похоже, что универсальный характер этих связей отражает взаимосвязь склонности «много размышлять» с наличием автоматических мыслей.

Таблица 3

Корреляции пунктов опросника с суммарным значением его показателей и значения альфа Кронбаха при удалении пунктов

Пункт	Корреляции с суммарным значением шкалы	Альфа Кронбаха, если удалить пункт	Пункт	Корреляции с суммарным значением шкалы	Альфа Кронбаха, если удалить пункт
1	0,52	0,94	16	0,66	0,93
2	0,58	0,94	17	0,51	0,94
3	0,58	0,94	18	0,55	0,94
4	0,59	0,94	19	0,55	0,94
5	0,58	0,94	20	0,53	0,94
6	0,64	0,93	21	0,56	0,94
7	0,66	0,93	22	0,56	0,94
8	0,66	0,93	23	0,57	0,94
9	0,47	0,94	24	0,61	0,93
10	0,58	0,94	25	0,59	0,94
11	0,58	0,94	26	0,65	0,93
12	0,65	0,93	27	0,58	0,94
13	0,62	0,93	28	0,30	0,94
14	0,65	0,93	29	0,30	0,94
15	0,65	0,93			

Таблица 4

Корреляционные связи показателей опросника с выраженностью руминаций и склонностью к подавлению мыслей, вызывающих нежелательные эмоции

Общий показатель и субшкалы опросника	Шкала руминаций				Подавление нежелательных мыслей (WBSI)
	Сумма	Рефлексивные руминации	Тягостные навязчивые размышления	Руминации, связанные с депрессией	
1	0,20	0,19	0,14	0,19	0,22
2	0,28	0,28	0,22	0,24	0,30
3	0,32	0,31	0,25	0,29	0,32
4	0,30	0,31	0,24	0,25	0,28
5	0,20	0,15	0,19	0,18	0,23
6	0,25	0,24	0,19	0,23	0,25
7	0,28	0,25	0,23	0,25	0,23
сумма	0,37	0,36	0,29	0,33	0,38

Примечание. * $p < 0,05$; * $p < 0,01$; 1) наличие вымышленного собеседника, не являющегося репрезентацией значимого человека; 2) внутренние споры; 3) наличие воображаемого собеседника – репрезентации значимого человека; 4) неконтролируемые ответы во внутреннем диалоге, 5) частота/яркость внутренних образов; 6) рассказы самому себе, 7) усиление обращений к воображаемому собеседнику в стрессе.

Распространенность элементов внутренней речи и визуальных образов

Для описания того, насколько часто проявляются разные формы внутренней речи, выявляемые предложенным опросником, рассматривали процентное соотношение участников выборки, указывающих разную частоту их возникновения (табл. 5).

Таблица 5

Процентное распределение ответов

Пункт	Никогда	Очень Редко	Иногда	Часто	Очень Часто
1	7,9	17,6	22,3	28,8	23,4
2	15,4	27,2	24,4	21,0	12,0
3	9,0	16,7	22,4	28,3	23,6
4	16,8	21,0	23,6	24,0	14,6
5	61,7	15,6	9,0	8,1	5,6
6	66,0	12,9	6,8	8,5	5,8
7	70,4	13,6	9,2	4,3	2,5
8	72,7	10,7	6,8	5,8	4,0
9	40,3	11,0	16,3	19,2	13,2
10	11,1	19,9	22,6	27,2	19,2
11	24,1	22,9	23,0	19,5	10,5
12	14,6	20,5	23,0	25,6	16,3
13	54,5	17,8	9,8	11,0	6,9
14	61,0	13,6	9,2	10,1	6,1
15	64,9	16,8	8,4	6,6	3,3
16	67,5	14,8	6,5	7,4	3,8
17	37,6	17,3	15,0	18,8	11,3
18	46,2	15,9	11,4	15,2	11,3
19	31,1	25,3	19,3	14,3	10,0
20	20,2	20,8	22,0	23,8	13,2
21	60,4	17,2	8,2	10,3	3,9
22	67,3	16,3	8,9	4,6	2,9
23	37,9	22,3	16,8	14,2	8,8
24	48,0	21,1	13,0	11,7	6,2
25	38,8	19,8	20,5	14,5	6,4
26	47,0	21,6	15,3	11,3	4,8
27	42,2	21,1	16,8	14,0	5,9
28	10,3	14,9	19,8	26,0	29,0
29	не возникают	не яркие	скорее яркие	яркие	очень яркие
	12,2	25,8	30	22,8	9,2

Как и в предшествующих работах, было выявлено значительное разнообразие частоты встречаемости различных элементов внутренней речи у участников исследования. Например, 23,4 % респондентов рассказывают что-то самому себе очень часто, примерно половина (51,1 %) – часто или иногда, четверть участников (25,5 %) – очень редко или никогда. Споры с самим собой представлены в меньшей степени, чем разговоры: 12,0 % участников выборки спорят сами с собой очень часто, чуть меньше половины (45,4 %) – часто или хотя бы иногда, остальные (42,6 %) – очень редко или вообще никогда.

При этом мысленно отвечают сами себе во время разговора очень часто и часто – 23,6 и 28,3 % респондентов соответственно. Очень редко или никогда – 16,7 и 9,0 %. Таким образом, большинство участников выборки имеют диалогическую структуру мыслительного потока.

22,7 % участников хотя бы иногда (либо чаще) разговаривают с вымышленным собеседником. Для большинства участников (61,7 %) это совсем нехарактерно. Процент тех, кто хотя бы иногда (и чаще) ведет мысленный спор с вымышленным собеседником, еще меньше – 16,0 %. При этом практически столько же участников ответили, что от «иногда» до «очень часто» отвечают сами себе от лица собеседника во время спора, что наводит на мысль о преимущественно диалоговом характере внутренних споров.

Разговоры с репрезентацией собеседника, существующего в реальности, включают представление в качестве таких собеседников родителей и прочих родственников, партнера, друзей и других знакомых людей. Также в качестве собеседника выделяли людей, с которыми был или предстоял спор, или людей, с которыми планировался важный деловой разговор. Несколько респондентов указали в качестве собеседника своё второе Я, «некое неизвестное третье лицо, которое одновременно является и мной, и никем, и кем-то другим» или более аналитичного и логичного друга, что имеет некоторые сходства с симптомом диалогического расщепления Я, но процент таких ответов на выборке данного исследования очень невелик (примерно 3 %).

Разброс ответов о мысленных монологах, диалогах и споров в прошлом сходен с описанием таковых в настоящем, кроме того, можно заметить небольшое увеличение процента людей, которые не разговаривали, не спорили с воображаемым собеседником в прошлом никогда или делали это, согласно самоотчету, очень редко. Ответы респондентов, касающиеся личности мысленных собеседников «в прошлом» соответствуют ответам на аналогичный вопрос о «настоящем». Анализ взаимосвязи общей интенсивности мыслительного потока с возрастом показал слабую обратную связь ($r = -0,12, p < 0,001$), из его компонентов подобные связи выявлены для внутренних споров и частоты/яркости внутренних образов ($r = -0,18$ и $-0,19$ соответственно, $p < 0,001$). Некоторое расхождение полученных данных может быть связано со сложностью ретроспективного описания внутренних событий.

Процент испытуемых, у которых ответ собеседника «возникает сам собой» или не контролируется, достаточно выражен (иногда и чаще – 40,2 %

для внутреннего разговора, 31,1 % – для спора). Высокая частота таких ответов позволяет заключить, что смысл, вкладываемый респондентами в ответы на данный пункт, отличен от феномена отчужденности внутренней речи, описанного в других работах [Давтян и др., 2017; Alderson-Day, Fernyhough, 2015; Heavey, Hurlburt, 2008].

Усиление частоты проявления внутренней речи в ситуациях стресса в большей мере касается разговоров и споров с самим собой, в меньшей – с вымышленным собеседником.

Возникновение зрительных образов, помимо речевых конструкций в мыслительных потоках, иногда и чаще отмечают 74,7 % респондентов, совсем не возникают образы у 9,9 % респондентов. У половины участников опроса (52,1 %) зрительные образы, скорее, яркие-яркие и очень яркие.

Сравнение общей интенсивности мыслительного потока у мужчин и женщин показало различия на уровне тенденции ($t = -1,8, p = 0,078$), среднее значение у женщин – 70,0, у мужчин – 66,9. Ранее неоднократно показана большая частота автоматизированных мыслей пессимистического и, в меньшей мере, рефлексивного характера у женщин [Johnson, Whisman, 2013]. При рассмотрении субшкал опросника мыслительного потока значимые различия выявлены для разговоров с вымышленным собеседником, частота которых выше у женщин – средний балл для них составил 7,9 при 6,7 у мужчин ($t = -4,4, p < 0,001$), и частоты/яркости внутренних образов, которая также выше у женщин – 6,5 балла при 6,1 у мужчин ($t = -2,5, p = 0,014$).

Заключение

Изучение составляющих мыслительного потока представляет собой сложную и интересную задачу. Предложенная нами методика измерения некоторых ее компонентов показала удовлетворительные психометрические характеристики и может использоваться при проведении исследований. Доработка предложенного метода может включать расширение субшкал с малым количеством пунктов и включение других составляющих внутренней речи.

Описание частоты встречаемости различных составляющих внутренней речи и возникающих при размышлениях визуальных образов показывает их широкую индивидуальную вариативность: присутствие в индивидуальном опыте как устойчиво диалогической, так и устойчиво монологической, а также смешанной формы размышлений, широкую вариативность внутренних разговоров и споров, представленности в качестве внутреннего собеседника как самого себя, так и вымышленных образов, а также репрезентаций реальных людей. С возрастом субъективно определяемая интенсивность мыслительного потока слегка снижается; для женщин характерны более частые внутренние разговоры с вымышленным собеседником, а также большая частота возникновения в мыслительном потоке визуальных образов.

Список литературы

Астрецов Д. А., Леонтьев Д. А. Психодиагностические возможности «Шкалы внутренней диалоговой активности» П. Олеся // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология, 2015. № 4. С. 66–82.

Выготский Л. С. Лекции по психологии. Мышление и речь. М.: Юрайт, 2019. 432 с.

Давтян Е. Н., Ильичев А. Б., Давтян С. Э. Симптом диалогического расщепления «я» как начальный этап нарушения внутренней речи при шизофрении // Психиатрия и психофармакотерапия, 2017. Т. 19, № 6. С. 62–70.

Дорошева Е. А. Адаптация русскоязычной версии опросника подавления нежелательных мыслей (White Bear Suppression Inventory) // Сибирский психологический журнал. 2024. № 91. С. 22–38. DOI: 10.17223/17267080/91/2

Дорошева Е. А., Князев Г. Г. Психометрические свойства трех опросников регуляции эмоций // Материалы научной конференции «Современные проблемы клинической психологии и психологии личности», 2017. С. 193–198.

Костина И. Б. Внутренняя речь как форма перехода непроизвольного познания в свободное владение языком // Epistemology & Philosophy of Science, 2012. № 3. С. 130–143.

Синельникова Л. Н. Жизнь текста, или Текст жизни. Луганск: Знание, 2005. 455 с.

Alderson-Day B., Fernyhough C. Inner speech: development, cognitive functions, phenomenology, and neurobiology // Psychological bulletin. 2015. Т. 141. №. 5. С. 931–965. DOI: 10.1037/bul0000021

Alderson-Day B., Mitrenga K., Wilkinson S., McCarthy-Jones S., Fernyhough C. The varieties of inner speech questionnaire – Revised (VISQ-R): Replicating and refining links between inner speech and psychopathology // Consciousness and Cognition, 2018. № 65. P. 48–58. DOI: 10.1016/j.concog.2018.07.001.

Bastian M., Lerique S., Adam V., Franklin M. S., Schooler J. W., Sackur J. Language facilitates introspection: Verbal mind-wandering has privileged access to consciousness // Consciousness and Cognition, 2017. V. 49. P. 86–97. DOI: 10.1016/j.concog.2017.01.002

Csikszentmihalyi M., Larson R. Validity and reliability of the experience-sampling method // Flow and the foundations of positive psychology. Springer, Dordrecht, 2014. P. 35–54. DOI: 10.1097/00005053-198709000-00004.

Johnson D. P., Whisman M. A. Gender differences in rumination: A meta-analysis // Personality and Individual Differences, 2013. V. 55. I. 4. P. 367–374. DOI: 10.1016/j.paid.2013.03.019

Heavey C. L., Hurlburt R. T. The phenomena of inner experience // Consciousness and cognition, 2008. V. 17, №. 3. P. 798–810. DOI: 10.1016/j.concog.2007.12.006

Hurlburt R. T., Heavey C. L., Kelsey J. M. Toward a phenomenology of inner speaking // Consciousness and Cognition, 2013. V. 22, №. 4. P. 1477–1494. DOI: 10.1016/j.concog.2013.10.003

Oleś P., Puchalska-Wasył M. Dialogicality and personality traits / In H. J. M. Hermans & T. Gieser (Eds.), *Handbook of dialogical self theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 241–252. DOI: 10.1017/CBO9781139030434.017

Singer J. I., Antrobus J. S. *Imaginal Process Inventory*. New York: City University of New York, 1970. 30 p.

Smallwood J., Schooler J. W. (2015). The science of mind wandering: empirically navigating the stream of consciousness // *Annual Review of Psychology*, 2015. № 66. P. 487–518. DOI: 10.1146/annurev-psych-010814-015331

Treynor W., Gonzalez R., Nolen-Hoeksema S. Rumination Reconsidered: A Psychometric Analysis // *Cognitive Therapy and Research*, 2003. V. 27. № 3. P. 247–259. DOI: 1.1023/a:1023910315561

Watkins E. R. Constructive and Unconstructive Repetitive Thought // *Psychological Bulletin*, 2008. V. 134. №. 2. P. 163–206. DOI: 10.1037/0033-2909.134.2.163

Winsler A. E., Fernyhough C. E., Montero I. E. Private speech, executive functioning, and the development of verbal self-regulation. Cambridge University Press, 2009. DOI: 10.1017/CBO9780511581533

Watkins M. *Invisible guest: The development of imaginal dialogues*. Woodstock, CT: Spring Publications, 2000. 207 p.

Wegner D. M., Schneider D. J., Carter S. R., White T. L. Paradoxical effects of thought suppression // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1987. № 53. P. 5–13. DOI:10.1037/0022-3514.53.1.5

References

Astretsov, D. A., & Leontiev, D. A. (2015). Psychodiagnostic capabilities of the “Scale of internal dialogue activity” P. Oles. *Bulletin of Moscow University. Series 14. Psychology*, 4, 66–82. (in Russ)

Vygotsky, L. S. (2019). *Lectures in psychology. Thinking and speaking*. M.: Yuright Publishing House. (in Russ)

Davtyan, E. N., Ilyichev, A. B., & Davtyan, S. E. (2017). The symptom of dialogic splitting of the self as the initial stage of internal speech impairment in schizophrenia. *Psychiatry and psychopharmacotherapy*, 19(6), 62–70. (in Russ)

Dorosheva, E. A. (2024). Adaptation of the Russian-language version of the White Bear Suppression Inventory. *Siberian Psychological Journal*, 91, 22–38. DOI: 10.17223/17267080/91/2 (in Russ)

Dorosheva, E. A., & Knyazev, G. G. (2017). Psychometric properties of three questionnaires of emotion regulation. *Materials of the scientific conference “Modern problems of clinical psychology and personality psychology.”* 193–198. (in Russ)

Kostina, I. B. (2012). Internal speech as a form of transition of involuntary understanding into fluency in language. *Epistemology & Philosophy of Science*, 3, 130–143. (in Russ)

Sinelnikova, L. N. (2005). *The life of the text, or the text of life*. Lugansk: Knowledge. 455 p. (in Russ)

Alderson-Day, B., & Fernyhough, C. (2015). Inner speech: development, cognitive functions, phenomenology, and neurobiology. *Psychological bulletin*, 141(5), 931–965. DOI: 10.1037/bul0000021

Alderson-Day, B., Mitrenga, K., Wilkinson, S., McCarthy-Jones, S., & Fernyhough, C. (2018). The varieties of inner speech questionnaire – Revised (VISQ-R): Replicating and refining links between inner speech and psychopathology. *Consciousness and Cognition*, 65, 48–58. DOI: 10.1016/j.concog.2018.07.001.

Bastian, M., Lerique, S., Adam, V., Franklin, M. S., Schooler, J. W., & Sackur, J. (2017). Language facilitates introspection: Verbal mind-wandering has privileged access to consciousness. *Consciousness and Cognition*, 49, 86–97. DOI: 10.1016/j.concog.2017.01.002

Csikszentmihalyi, M., & Larson, R. (2014) Validity and reliability of the experience-sampling method. *Flow and the foundations of positive psychology*. Springer, Dordrecht, 2014. P. 35–54. DOI: 10.1097/00005053-198709000-00004.

Johnson, D. P., & Whisman, M. A. (2013). Gender differences in rumination: A meta-analysis. *Personality and Individual Differences*, 55(4), 367–374. DOI: 10.1016/j.paid.2013.03.019

Heavey, C. L., & Hurlburt, R. T. (2008). The phenomena of inner experience. *Consciousness and cognition*, 17(3), 798–810. DOI: 10.1016/j.concog.2007.12.006

Hurlburt, R. T., Heavey, C. L., & Kelsey, J. M. (2013). Toward a phenomenology of inner speaking. *Consciousness and Cognition*, 22(4), 1477–1494. DOI: 10.1016/j.concog.2013.10.003

Oleś, P., & Puchalska-Wasył, M. (2012). Dialogicality and personality traits / In H. J. M. Hermans & T. Gieser (Eds.), *Handbook of dialogical self theory* (pp. 241–252). Cambridge: Cambridge University Press.. DOI: 10.1017/CBO9781139030434.017

Singer, J. I., & Antrobus, J. S. (1970). *Imaginal Process Inventory*. New York: City University of New York.

Smallwood, J., & Schooler, J. W. (2015). The science of mind wandering: empirically navigating the stream of consciousness. *Annual Review of Psychology*, 66, 487–518. DOI: 10.1146/annurev-psych-010814-015331

Treynor, W., Gonzalez, R., & Nolen-Hoeksema, S. (2003). Rumination Reconsidered: A Psychometric Analysis. *Cognitive Therapy and Research*, 27(3), 247–259. DOI: 10.1023/a:1023910315561

Watkins, E. R. (2008). Constructive and Unconstructive Repetitive Thought. *Psychological Bulletin*, 134(2), 163–206. DOI: 10.1037/0033-2909.134.2.163

Winsler, A. E., Fernyhough, C. E., & Montero, I. E. (2009). *Private speech, executive functioning, and the development of verbal self-regulation*. Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511581533

Watkins, M. (2000). *Invisible guest: The development of imaginal dialogues*. Woodstock, CT: Spring Publications.

Wegner D. M., Schneider D. J., Carter S. R., White T. L. (1987). Paradoxical effects of thought suppression. *Journal of Personality and Social Psychology*, 53, 5–13. DOI:10.1037/0022-3514.53.1.5

Приложение

Текст опросника

1. Я рассказываю что-то самому себе.
2. Я спорю с самим собой.
3. Я отвечаю сам себе во внутреннем разговоре.
4. Я отвечаю сам себе во внутреннем споре.
5. Я разговариваю с воображаемым собеседником, которого придумал сам (это не кто-то из известных мне людей).
6. ... если «да», то: при этом я отвечаю себе от его лица.
7. Я спорю с воображаемым собеседником, которого придумал сам (это не кто-то из известных мне людей).
8. ... если «да», то: при этом я отвечаю себе от его лица.
9. Я разговариваю с воображаемым собеседником(ами), который(ые) представляет(ют) какого-то значимого для меня человека, людей.
- 9А. ... если хотя бы иногда разговариваете, то отметьте, кто это. Если нет, то пропустите этот пункт.
10. В прошлом бывали ситуации, когда я рассказывал что-то самому себе.
11. В прошлом бывали ситуации, когда я спорил с самим собой.
12. В прошлом бывали ситуации, когда я разговаривал с самим собою и отвечал себе.
13. В прошлом бывали ситуации, когда я мысленно разговаривал с воображаемым собеседником, которого придумал сам (это не кто-то из известных мне людей)
14. ... если «да», то: при этом я отвечал себе от его лица.
15. В прошлом бывали ситуации, когда я мысленно спорил с воображаемым собеседником, которого придумал сам (это не кто-то из известных мне людей).
16. ... если «да», то при этом я отвечал себе от его лица.
17. В прошлом бывали ситуации, когда я мысленно разговаривал с воображаемым собеседником, который представляет какого-то (каких-то) значимого (значимых) для меня человека, людей.
- 17А. ... если Вы отметили в предыдущем вопросе 3, 4 или 5, то укажите, кто это.
18. ... если «да», то при этом я отвечал себе от его лица.
19. В ситуации стресса я чаще спорю с самим собой.
20. В ситуации стресса я чаще во внутреннем разговоре отвечаю самому себе.

21. В ситуации стресса я чаще разговариваю с воображаемым собеседником.

22. В ситуации стресса я чаще спорю с воображаемым собеседником.

23. Я отвечаю сам себе во внутреннем разговоре, при этом ответ возникает сам собой, он не контролируется мною.

24. Я отвечаю сам себе во внутреннем споре, при этом ответ возникает сам собой, он не контролируется мною.

25. В прошлом бывали ситуации, когда я отвечал сам себе во внутреннем разговоре, при этом ответ возникал сам собой, он не контролировался мною.

26. В прошлом бывали ситуации, когда я отвечал сам себе во внутреннем споре, при этом ответ возникал сам собой, он не контролировался мною.

27. В ситуации стресса я чаще отвечаю сам себе во внутреннем разговоре, при этом ответ возникает сам собой, он не контролируется мною.

28. Как часто, помимо слов, в Ваших внутренних размышлениях возникают зрительные образы?

29. Если зрительные образы при размышлениях возникают, то насколько яркими они являются?

Информация об авторе

Дорошева Елена Алексеевна, кандидат биологических наук, доцент

Scopus Author ID 6504158742

Author ID RSCI 95192

Information about the Author

Elena A. Dorosheva, Candidate of Biological Science, Associate Professor, Senior Researcher, Novosibirsk State University, Scientific Research Institute of Neurosciences and Medicine (Novosibirsk, Russian Federation)

Scopus Author ID 6504158742

Author ID RSCI 95192

Материал поступил в редколлегию 19.02.2024

The article was submitted 19.02.2024

Научная статья

УДК 372.87

DOI 10.25205/2658-4506-2023-16-2-59-65

Формирование цветового восприятия как психолого-педагогическая проблема обучения изобразительному искусству школьников

Ирина Николаевна Польшкая

Алтайский государственный педагогический университет
Барнаул, Россия

julka-nv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4115-1692>

Аннотация

В статье дается психолого-педагогическое обоснование формирования цветового восприятия у школьников на уроках изобразительного искусства в общеобразовательной школе. Обосновывается необходимость создания объективных условий для формирования основ цветового восприятия в процессе занятий живописью с учениками младших, средних и старших классов. В статье подчеркивается особая актуальность осмысления проблемы мотивации детей в освоении цветоведения, колористики, характеристики и качества цвета. Рассматриваются упражнения и задания как теоретического характера, так и практическое решение задач формирования цветовосприятия у обучающихся. Методические рекомендации, представленные в статье, позволяют обеспечить эффективное формирование живописных качеств у школьников. Очевидно, что поставленная в статье проблема помогает учителям изобразительного искусства решать проблему в представленном ключе.

Ключевые слова

цветовое восприятие, физиология цвета, живопись, обучение, изобразительное искусство, цветоведение, колорит

Для цитирования

Польшкая И. Н. Формирование цветового восприятия как психолого-педагогическая проблема обучения изобразительному искусству школьников // Reflexio. 2023. Т. 16, № 2. С. 59–65. DOI 10.25205/2658-4506-2023-16-2-59-65

© Польшкая И. Н., 2023

Formation of Color Perception as a Psychological and Pedagogical Problem of Teaching Fine Arts for Schoolchildren

Irina N. Polynskaya

Altai State Pedagogical University,
Barnaul, Russian Federation

julka-nv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4115-1692>

Abstract

The article provides a psychological and pedagogical rationale for the formation of color perception among schoolchildren during fine arts lessons in a secondary school. The necessity of creating objective conditions for the formation of the foundations of color perception in the process of painting classes with primary, middle and high school students is substantiated. The article emphasizes the particular relevance of understanding the problem of children's motivation in mastering color science, coloristic, characteristics and quality of color. Exercises and assignments, both theoretical in nature and practical solutions to the problems of developing color perception in students, are considered. The methodological recommendations presented in the article make it possible to ensure the effective formation of picturesque qualities in schoolchildren. Obviously, the problem posed in the article helps fine arts teachers solve the problem in the presented way.

Keywords

color perception, physiology of color, painting, learning, fine arts, color science, color

For citation

Polynskaya I. N. Formation of Color Perception as a Psychological and Pedagogical Problem of Teaching Fine Arts for Schoolchildren. *Reflexio*, 2023, vol. 16, no. 2, pp. 59–65. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2023-16-2-59-65

Формирование цветового восприятия как психолого-педагогическая проблема обучения изобразительному искусству школьников. Важным компонентом обучения изобразительному искусству является овладение принципов цветовой гармонии и теории цвета. Формирование цветового восприятия обусловлено изучением основ цветоведения на уроках изобразительного искусства в общеобразовательной школе. «Таким образом, в учебно-воспитательном процессе важно решить проблему, как научить воспринимать окружающий мир, чтобы в дальнейшем в рисунке использовать выразительные возможности цвета и колорита» [Пустовалова, Валикжанина, 2021. С. 604]. Чем раньше будут проводиться педагогом такие образовательные мероприятия, тем раньше учащиеся овладеют живописным пониманием и видением цвета. Поэтому очень важны в этот период научная обоснованность в изложении основополагающих психолого-педагогических вопросов теории и последовательности в овладении методами и приемами цветового восприятия и живописного видения цвета у школьников. «Во время изобразительной деятельности обучаю-

щиеся учатся анализировать предметы и явления окружающего мира. Именно поэтому уроки изобразительного искусства служат эффективным средством развития и формирования различных психологических процессов» [Коваленко, 2023. С. 15].

Из теории цвета нам известно, что он выражает свойства и качества отдельных предметов, необходимые для восприятия обыденности и может быть определен как предметный цвет либо его окраска. Именно с этим понятием связаны устойчивые представления о цвете разнообразных предметов (бумага – белая, трава – зеленая, лимон – желтый и т. д.). «Согласно определению, цветовое восприятие – это зрительное восприятие предметных цветов, характеризующихся целым комплексом физических характеристик, связанных с конфигурацией, формой, пространственной ориентацией, движением, фигуρο-фоновыми отношениями и многими другими перцептивными качествами» [Зубарева, 2021. С. 82].

Преподаватель ставит перед собой две задачи:

- содействовать учащимся в выявлении собственных персональных возможностей восприятия цвета;
- обеспечить ученика теоретическими знаниями, практическими упражнениями, помогающими освоить теорию цвета.

Для решения поставленной проблемы необходимо, чтобы у ребенка было развито цветовосприятие и тоночувствительность для дальнейшей художественно-творческой работы в процессе занятий изобразительным искусством. Содержание учебных знаний по основам цветоведения и цветового восприятия, а также программные темы необходимо адаптировать с учетом возрастных способностей обучающихся. Исследование тем включает в себя теоретический и практический аспекты. В теоретические темы входят: объяснение, беседа, подготовка учениками докладов, рассказ педагога, визуально-зрительный материал. Объяснение тем дополняют демонстрацией репродукций живописных картин художников, специально подготовленных наглядных пособий. В обучении искусству важнейшую роль играет посещение картинных галерей и художественных выставок. Также по отдельным темам целесообразнее провести научно-практическую конференцию.

В практических упражнениях желательно использовать схемы-выкраски, например по теме «Колорит. Трансформация светлоты цветовой среды», выкраски-палитры, например «Ассоциации цвета», работа над сюжетно-тематическими и композициями.

Обучение теории цвета подразумевает знакомство с терминологией колористики, при этом подбор терминов определяется возрастными и индивидуальными отличительными особенностями школьника. «Изобразительная практика подтверждает, что колористическое видение и изображения реальной действительности глубоко индивидуальны» [Турыгина, 2023. С. 195]. Ознакомление учащихся начальных классов с теорией цвета лучше всего приступать с живой беседы о цветах. Следует выяснить, каким цветам дети

отдают свое предпочтение. Можно расспросить и о цветах, которые они видят в кабинете, либо на одежде своих одноклассников, разъяснить цветовую окраску животных (почему бабочка яркая, заяц летом – серый, зимой – белый и т. д.), такие беседы вызывают у ребенка заинтересованность к цвету, яркому миру окружающей действительности. «Умение видеть в окружающем мире многообразие форм и цвета, видеть прекрасное во всем и воспроизводить это прекрасное содействует развитию художественных способностей, формированию эстетического вкуса» [Швец, Польшинская, 2020. С. 157]. Дети могут выразить свое впечатление через цвет и различные эмоции, например, радость, счастье, грусть, печаль и т. д. Также помогают музыкальные и литературные произведения для развития ассоциативной памяти и цветовосприятия. Через эмоциональное восприятие музыкального или литературного произведения учащиеся воспроизводят ассоциативность с определенным оттенком цвета или группой цветовых характеристик.

Для учеников старшего школьного возраста при объяснении природы цвета можно дать определение цвета как электромагнитного излучения определенного спектрального состава, с точки физики, объяснить причины возникновения ощущения того или иного цвета. Рекомендуется ознакомить учеников с понятием цветового спектра – основой теории цвета.

На практических занятиях для закрепления усвоенных знаний младшим школьникам предлагается изобразить красками радугу (цветовой спектр). Ученикам средних и старших классов – выполнить 12- или 14-ступенчатого цветового спектра, используя дополнительные цветовые нюансы различных оттенков. Ознакомление с символикой цвета у школьников развивает ассоциативное и образное мышление.

Для изучения этой темы дети выполняют упражнения на карточках-выкрасках, где цветом предлагается показать ассоциативные ощущения противоположностей – вкусовые, звуковые, пространственные, температурные и т. д. Например, сладкое – горькое, кислое – соленое, веселое – грустное и т. д. После такого задания можно предложить школьникам выполнить пейзаж с изображением пасмурного, солнечного дождливого, снежного дня.

При обучении детей основам цветоведения важно ознакомить с ахроматическими и хроматическими цветами, их различиями. Непременно надлежит ознакомить с основными характеристиками цвета, цветовым тоном, светлотой (яркостью), насыщенностью. Следует объяснить различие в терминологии «тон» и «светлота» в живописи. Это определяется предметной направленностью обработки сознательной зрительной информации и осмысленным восприятием. Это качество цвета позволяет сравнить его с одним из спектральных цветов, а светлота (яркость) – степень различия конкретного цвета от черного.

В качестве практического задания ученики выполняют карточки-выкраски с разбелом и зачернением каждого из 12 цветов 12-ступенчатого цветового круга. Всего с 12 чистыми цветами этого спектра должно быть выполнено

36 карточек-выкрасок. При таком большом количестве карточек-выкрасок к школьникам приходит осмысление характеристик цвета – светлоте и насыщенности. Этот вид работы желательно выполнять группами: каждый член группы выбирает любой цвет и выкрашивает 3 карточки – чистый цвет, разбел, зачернение. Практическое задание по теме «Колорит» создает сюжетно-тематические композиции, темы диктуют заданный тип колорита, например, «Вечерние сумерки в селе» – зачерненный колорит. Работа над пейзажем в данном случае ведется в серо-фиолетовом, темно-синем колорите. «Колорит – это доминирующий, обобщенный строй цветовой системы произведения живописи» [Гребнева, 2023. С. 36]. Учащиеся знакомятся вместе с понятием цветной композиции как совокупности цветowych пятен, созданной согласно какой-либо закономерности, а также практически осваивают правило, согласно которому систематизируются виды цветовой композиции.

Представление о цветовом восприятии школьники получают при изучении темы «Цветовые системы». Методичное знакомство со стилистическими особенностями искусства разных эпох и цветовое предпочтение людьми того времени развивает мышление детей и подростков, их цветовую культуру, а также формирует эмоционально-эстетическое отношение к реальности, творческое самовыражение школьников в изобразительной деятельности. «Особую актуальность приобретает научное осмысление проблемы активизации творческого самовыражения школьников в процессе изобразительной деятельности, поскольку это имеет положительное влияние на развитие ребенка» [Полынская, Нагоричная, 2022. С. 144]. В ходе подготовки теоретического и зрительного использованного материала для практической работы на выбранную тему школьники при помощи этой работы воспитывают самостоятельность, инициативность и интерес к учебе.

Углубленное обладание цветом дает возможность учащимся использовать его живыми свойствами в каждой сфере изобразительного творчества. Процесс формирования цветового восприятия школьниками на уроках изобразительного искусства требует тщательной и продуманной работы со стороны педагога, поскольку он строится через систему психофизиологических и индивидуальных особенностей каждого ребенка.

Список литературы

Гребнева А. С. Типы колорита в изобразительном искусстве // Материалы XXV Всероссийской студенческой научно-практической конференции Нижегородского гос. ун-та: конференции, 2023. С. 36–42.

Зубарева А. В. Развитие цветового восприятия у школьников в процессе обучения основам дизайна // Актуальные научные исследования в современном мире. 2021. № 12-7(80). С. 81–84.

Коваленко А. А. Психолого-педагогические и возрастные особенности учащихся начальных классов // Научные дискуссии. 2023. Т. 3, № 1. С. 15–18.

Полынская И. Н., Нагоричная М. Р. Художественно-педагогические основы обучения учащихся начальных классов иллюстрированию русских народных сказок // Современные наукоемкие технологии. 2022. № 1. С. 144–151. DOI 10.17513/snt.39024.

Пустовалова Н. В., Валикжанина С. В. Формирование колористического видения у обучающихся на занятиях по живописи в ДШИ // Актуальные проблемы и современные тренды науки, культуры, искусства в творческом образовании. М.: Учебный центр «Перспектива», 2021. С. 601–607.

Турыгина Е. М. Обоснование необходимости обучения цветовому видению через восприятие тепло-холодности в живописи // Точки научного роста: на старте десятилетия науки и технологии: Материалы ежегодной научно-практической конференции преподавателей по итогам НИР за 2022. Краснодар, 2023. С. 194–197.

Швец П. М., Полынская И. Н. Академический рисунок как основополагающая дисциплина в изобразительном искусстве // Наука и образование: векторы развития: Материалы международной научно-практической конференции, Чебоксары, 20 ноября 2020 года. Чебоксары: Негосударственное образовательное частное учреждение дополнительного профессионального образования «Экспертно-методический центр», 2020. С. 155–158.

References

Grebneva, A. S. (2023). Tipy kolorita v izobrazitel'nom iskusstve [Types of color in fine arts]. In: XXV Vserossiyskaya studencheskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta: Materialy konferencii (pp. 36–42). Nizhnevartovsk: Nizhnevartovskij gosudarstvennyj universitet.

Kovalenko, A. A. (2023). Psihologo-pedagogicheskie i vozrastnye osobennosti uchashchihsya nachal'nyh klassov [Psychological, pedagogical and age characteristics of primary school students]. *Nauchnye diskussii*, 3(1), 15–18.

Polynskaya, I. N., Nagorichnaya M. R. (2022). Hudozhestvenno-pedagogicheskie osnovy obucheniya uchashchihsya nachal'nyh klassov illyustrirovaniyu russkih narodnyh skazok [Artistic and pedagogical foundations of teaching primary school students to illustrate Russian folk tales]. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii*, 1, 144–151. DOI 10.17513/snt.39024.

Pustovalova, N. V., Valikzhanina S. V. (2021). Formirovanie koloristicheskogo videniya u obuchayushchihsya na zanyatiyah po zhivopisi v DSHI [Formation of coloristic vision in students in painting classes at the Children's Art School]. In: *Aktual'nye problemy i sovremennye trendy nauki, kul'tury, iskusstva v tvorchestvom obrazovanii* (pp. 601–607). Moskva, Uchebnyj centr "Perspektiva".

Shvec, P. M., Polynskaya I. N. (2020). Akademicheskij risunok kak osnovopolagayushchaya disciplina v izobrazitel'nom iskusstve [Academic Drawing as a Fundamental Discipline in Fine Arts]. In: *Nauka i obrazovanie*:

vektory razvitiya: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Cheboksary, 20 noyabrya 2020 goda (pp. 155–158). Cheboksary: Negosudarstvennoe obrazovatel'noe chastnoe uchrezhdenie dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya "Ekspertno-metodicheskij centr".

Turygina, E. M. (2023). Obosnovanie neobходимosti obucheniya cvetovomu videniyu cherez vospriyatие teplo-holodnosti v zhivopisi [Justification of the Need to Teach Color Vision through the Perception of Heat and Cold in Painting]. In: Tochki nauchnogo rosta: na starte desyatiletiya nauki i tekhnologii: Materialy ezhegodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii prepodavatelej po itogam NIR za 2022 (pp. 194–197). Krasnodar.

Zubareva, A. V. (2021). Razvitie cvetovogo vospriyatiya u shkol'nikov v processe obucheniya osnovam dizajna [Development of color perception in schoolchildren in the process of learning the basics of design]. Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire, 12-7(80), 81–84.

Информация об авторах

Полынская Ирина Николаевна, доктор педагогических наук

ORCID 0000-0003-4115-1692

Author ID 790335

Information about the Author

Irina N. Polynskaya, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Technological Disciplines, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation)

Author ID 790335

Материал поступил в редколлегию 14.03.2024

The article was submitted 14.03.2024

Научная статья

УДК 372.87

DOI 10.25205/2658-4506-2023-16-2-66-72

Развитие пространственного мышления у школьников на уроках технологии

Елена Николаевна Олейникова¹

Ирина Николаевна Полынская²

Алтайский государственный педагогический университет
Барнаул, Россия

¹ elena.oleynikova.97@mail.ru

² julka-nv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4115-1692>

Аннотация

В статье поднимается проблема развития пространственного мышления у школьников на уроках технологии. Актуальность подчеркивается важностью внедрения в учебный процесс методов и технологий объемного моделирования, способствующих активному развитию пространственного мышления учащихся. Развитию пространственного мышления способствуют разнообразные виды и техники работы с различными материалами и информационными технологиями. Лепка, моделирование, конструирование, объемные композиции из различных художественных материалов, используемые на уроках технологии в общеобразовательной школе, способствуют более эффективному формированию пространственного мышления, воображения. Поставленная в статье проблема решает важную стратегическую задачу в образовательном процессе.

Ключевые слова

пространственное мышление, технология, образовательный процесс, школьники, инновации, психология, воспитание, развитие, творческий процесс

Для цитирования

Олейникова Е. Н., Полынская И. Н. Развитие пространственного мышления у школьников на уроках технологии // Reflexio. 2023. Т. 16, № 2. С. 66–72. DOI 10.25205/2658-4506-2023-16-2-66-72

© Олейникова Е. Н., Полынская И. Н., 2023

Development of Spatial Thinking in Schoolchildren in Technology Lessons

Elena N. Oleynikova ¹, I. N. Polynskaya ²

Altai State Pedagogical University,
Barnaul, Russian Federation

¹ elena.oleynikova.97@mail.ru

² julka-nv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4115-1692>

Abstract

The article raises the problem of developing spatial thinking among schoolchildren during technology lessons. The relevance is emphasized by the importance of introducing into the educational process methods and technologies of three-dimensional modeling that contribute to the active development of students' spatial thinking. The development of spatial thinking is facilitated by various types and techniques of working with various materials and information technologies. Modeling, modeling, design, three-dimensional compositions from various artistic materials, used in technology lessons in secondary schools contribute to a more effective formation of spatial thinking and imagination. The problem posed in the article solves an important strategic problem in the educational process.

Keywords

spatial thinking, technology, educational process, schoolchildren, innovation, psychology, education, development, creative process

For citation

Oleynikova E. N., Polynskaya I. N. Development of Spatial Thinking in Schoolchildren in Technology Lessons. *Reflexio*, 2023, vol. 16, no. 2, pp. 66–72. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2023-16-2-66-72

Проблема развития пространственного мышления учащихся является актуальной и важной в современном мире. С ростом технологий и изменениями в образовательной сфере возникает необходимость в развитии у учащихся навыков объемного моделирования.

Пространственное мышление играет ключевую роль в развитии учащихся, поскольку оно способствует формированию представлений о формах и размерах объектов, их расположении в пространстве, а также взаимосвязям между ними. Однако в современном мире наблюдается недостаточное внимание к развитию пространственного мышления учащихся, что может негативно сказываться на их образовании и профессиональном будущем. Для решения данной проблемы необходимо внедрение в учебный процесс методов и технологий объемного моделирования, способствующих активному развитию пространственного мышления учащихся.

Развитие пространственного мышления учащихся несет в себе этические проблемы, связанные с вопросами этики взаимодействия человека с окружающим миром. Кроме того, развитие пространственного мышления может ока-

зать влияние на экологию сознания – способность человека понимать свое место в мире и взаимодействовать с ним в гармонии. Поэтому важно учитывать этические аспекты и проблемы экологии сознания при разработке методик и технологий развития пространственного мышления учащихся.

Изучение проблем пространственного мышления и методов его развития имеет древние корни и связано с различными направлениями философии и педагогики (В. И. Кириенко, Б. Ф. Ломова, В. А. Моляко, Н. П. Сакулина и другие). В результате проведенных исследований было выяснено, что умственное развитие человека тесно связано с освоением пространства сначала практически, после чего и теоретически. В основе восприятия пространственных свойств и отношений предметов лежат физиологические механизмы, которые достаточно полно описал И. П. Павлов, указывая, что и восприятие величины предмета и представление о величине предмета есть не что иное, как условный рефлекс, который образуется в результате многократного сочетания определенной величины изображения на сетчатке глаз с известным напряжением глазных мышц и которое окончательно подтверждается осязанием. И. М. Сеченов считал, что восприятие пространственных свойств и пространственных отношений предметов осуществляется благодаря взаимодействию в работе зрительного и двигательного анализаторов. «Проводимые учеными в области психологии и педагогики исследования формирования пространственного мышления в основном сосредоточены на поведенческой логике, которая на психологическом уровне формирует пространственное мышление» [Ли, 2022. С. 134]. С развитием технологий и появлением новых подходов к образованию вопросы развития пространственного мышления получили новое значение и актуальность.

Современный этап развития методик развития пространственного мышления учащихся характеризуется широким спектром возможностей для использования современных технологий, включая виртуальное моделирование и трехмерное проектирование. Однако возникают новые вызовы и проблемы, связанные с адаптацией учебных программ к новым технологиям и инновационным подходам к обучению.

Для решения проблемы развития пространственного мышления учащихся могут быть применены специальные научные теории и методики, такие как теория конструктивизма, теория личностно-ориентированного обучения и другие. Важно разработать комплексный подход к развитию пространственного мышления, учитывающий индивидуальные особенности учащихся и современные технологии обучения.

Пространственное мышление является важным аспектом когнитивного развития учащихся. Оно позволяет нам воспринимать, понимать и манипулировать объектами и пространством вокруг нас. В рамках уроков технологии (трудового обучения), где акцент делается на практическом применении знаний, развитие пространственного мышления играет особую роль. «Одни из индивидуальных особенностей пространственного мышления обучающих-

ся проявляются в таких характеристиках, которые являются устойчивыми по отношению к влиянию обучения, другие являются восприимчивыми по отношению к этому влиянию» [Локтева, Александрова, 2020. С. 123].

Пространственное мышление начинает формироваться уже в раннем детстве. «Формирование пространственных представлений является длительным и сложным процессом, который начинается в раннем детстве, продолжается в дошкольном возрасте и совершенствуется в период школьного обучения» [Рамазанова, Эннанова, 2023. С. 71]. Исследования показывают, что дети начинают проявлять интерес к пространственным отношениям и манипуляциям с объектами уже в возрасте 6–9 месяцев. В дальнейшем развитие пространственного мышления происходит поэтапно, пройдя через различные этапы, такие как развитие представлений о пространстве, ориентации в пространстве и понимания пространственных отношений. «На формирование данного мышления влияет зрительное и пространственное восприятие окружающей действительности» [Шамшина, 2021. С. 15].

Современный этап развития пространственного мышления характеризуется широким использованием технологий и виртуальной реальности. Исследования показывают, что использование виртуальных средств обучения и трехмерного моделирования способствует более глубокому и эффективному развитию пространственного мышления учащихся. «Несомненно, достоинство использования компьютерных технологий в учебно-воспитательном процессе не вызывает сомнений, они позволяют учащимся и учителям работать с компьютером как с универсальным средством обработки информации» [Старцун, Полинская, 2020. С. 119]. Однако при использовании объемного моделирования возникают этические проблемы, связанные с использованием ресурсов и возможным воздействием на окружающую среду.

Средства представления научных знаний в изучаемой предметной области включают различные методы и инструменты, которые помогают исследователям описывать, объяснять и предсказывать явления и процессы. Одним из основных средств представления научных знаний являются научные статьи и публикации. Они позволяют исследователям представить свои результаты и выводы широкой научной общественности. Научные статьи должны быть основаны на проверенных данных и проведенных экспериментах. Другими средствами представления научных знаний являются конференции, симпозиумы и научные собрания. Они предоставляют исследователям возможность обмена идеями, обсуждения результатов и получения обратной связи от коллег. Современные технологии, такие как компьютерное моделирование, виртуальная реальность и графические представления, также играют важную роль в представлении научных знаний. Они позволяют исследователям визуализировать сложные процессы и явления, что упрощает их понимание и коммуникацию. «Умение располагать, вращать объемные предметы, моделировать в воображаемом пространстве является признаком высокого развития пространственного мышления» [Максимова, 2021. С. 135].

Развитие техногенной и информационной цивилизации требует тесной интеграции научных и технологических достижений. Научные исследования должны быть направлены на разработку инновационных технологий, которые могут помочь в решении глобальных проблем. Примером такой интеграции может быть использование искусственного интеллекта и аналитических систем для прогнозирования изменений климата и разработки эффективных мер по его смягчению. Решение глобальных проблем требует перехода к устойчивому развитию, которое учитывает экологические, социальные и экономические аспекты. Техногенная и информационная цивилизация должна стремиться к созданию экологически чистых технологий, эффективного использования ресурсов и справедливого распределения благ. Например, использование возобновляемых источников энергии и развитие энергоэффективных технологий может помочь снизить негативное воздействие на окружающую среду.

Общенаучные методы, такие как наблюдение, эксперимент и анализ данных, являются основой научного исследования и позволяют нам получить объективные и проверяемые результаты. Творчество, в свою очередь, стимулирует нас к новаторству и поиску нестандартных решений. Например, в физике эксперименты позволяют нам проверить гипотезы и установить законы природы. В биологии наблюдение и анализ данных помогают нам понять принципы жизни и эволюции. Творчество играет важную роль в научном исследовании. Оно позволяет нам искать новые и нестандартные решения, развивать новые идеи и концепции. Творческий подход помогает преодолеть трудности и находить инновационные решения. Например, в математике творческий подход позволяет разрабатывать новые теоремы и методы решения задач.

Пространственное мышление является важным аспектом развития учащихся, формирования творческой и прикладной деятельности, фантазии и воображения, особенно на уроках технологии. «Воображение детей формируется в художественно-творческой и прикладной деятельности, в частности, занятия лепкой на уроках изобразительного искусства и технологии развивают гибкость и пластичность мыслительных процессов, художественно-образное и пространственно-объемное мышление, представление и фантазию как основополагающую функцию, способствующую раскрытию творческих способностей учащихся» [Полынская, 2023. С. 146]. Изучение языка объемного моделирования на уроках трудового обучения имеет свои философско-мировоззренческие основания. В основе этой науки лежит понимание важности развития пространственного мышления учащихся для их успешной адаптации в современном мире. Пространственное мышление позволяет учащимся анализировать и воспринимать окружающую среду, а также решать пространственные задачи, что является неотъемлемой частью их будущей профессиональной деятельности. На современном этапе развития цивилизации состояние объемного моделирования как фактора пространственного мышления учащихся требует дополнительного изучения и анализа.

Список литературы

Ли Ц. Влияние психологии окружающей среды на формирование пространственного мышления // Научное мнение. 2022. № 7–8. С. 136–141. DOI 10.25807/22224378_2022_7-8_136.

Локтева А. Д., Александрова Н. А. Формирование пространственного мышления обучающихся средствами 3D-моделирования // Информационные технологии в образовании. 2020. № 3. С. 123–126.

Максимова А. А. Формирование пространственного мышления при изучении бумагопластики // Державинский форум. 2021. Т. 5. № 17. С. 135–139.

Польшкая И. Н. Формирование творческого воображения посредством лепки на занятиях по изобразительному искусству и технологии в начальных классах общеобразовательной школы // Современные наукоемкие технологии. 2023. № 10. С. 146–152. DOI 10.17513/snt.39807.

Рамазанова Э. А., Эннанова Л. Ф. Значение геометрического материала для формирования пространственного мышления детей старшего дошкольного возраста // Путь в педагогическую науку: проблемы и решения. 2023. № 9(13). С. 71–75.

Старцун М. И., Польшкая И. Н. Интернет-технологии в процессе обучения изобразительному и декоративно-прикладному искусству в общеобразовательной школе // Педагогика, психология, общество: актуальные вопросы: Сб. мат-в Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Чебоксары, 29 февраля 2020 года. Чебоксары: Среда, 2020. С. 119–122.

Шамишина Л. М. Формирование навыков объемно-пространственного мышления на основе простой формы // Бизнес и дизайн ревю. 2021. № 2(22). С. 15-21.

References

Li, Cz. (2022). Vliyanie psixologii okruzhayushhej sredy` na formirovanie prostranstvennogo my`shleniya [The Influence of Environmental Psychology on the Formation of Spatial Thinking]. *Nauchnoe mnenie*, 7–8, 136–141. DOI 10.25807/22224378_2022_7-8_136.

Lokteva, A. D. Aleksandrova, N. A. (2020). Formirovanie prostranstvennogo my`shleniya obuchayushhixsya sredstvami 3D-modelirovaniya [Formation of Spatial Thinking of Students by Means of 3D Modeling]. *Informacionny`e texnologii v obrazovanii*, 3, 123–126.

Maksimova, A. A. (2021). Formirovanie prostranstvennogo my`shleniya pri izuchenii bumagoplastiki [Formation of Spatial Thinking in the Study of Paper Plastics]. *Derzhavinskij forum*, 5(17), 135–139.

Poly`naskaya, I. N. (2023). Formirovanie tvorcheskogo voobrazheniya posredstvom lepki na zanyatiyax po izobrazitel`nomu iskusstvu i texnologii v nachal`ny`x klassax obshheobrazovatel`noj shkoly` [Formation of creative imagination through modeling in fine arts and technology classes in elementary

grades of comprehensive schools]. *Sovremennyye naukoemkie tekhnologii*, 10, 146–152. DOI 10.17513/snt.39807.

Ramazanova, E. A. Ennanova L. F. (2023). Znachenie geometricheskogo materiala dlya formirovaniya prostranstvennogo myshleniya detej starshego doshkol'nogo vozrasta [The importance of geometric material for the formation of spatial thinking of senior preschool children]. *Put' v pedagogicheskuyu nauku: problemy i resheniya*, 9(13), 71–75.

Starczun, M. I. Polyanskaya I. N. (2020). Internet-texnologii v processe obucheniya izobrazitel'nomu i dekorativno-prikladnomu iskusstvu v obshheobrazovatel'noj shkole [Internet technologies in the process of teaching fine and decorative and applied arts in comprehensive schools]. In : *Pedagogika, psixologiya, obshhestvo: aktual'ny'e voprosy: Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodny'm uchastiem*, Cheboksary, 29 fevralya 2020 goda (pp. 119-122). Cheboksary: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Izdatel'skiy dom «Sreda».

Shamshina, L. M. (2021). Formirovanie navy'kov ob'emno-prostranstvennogo myshleniya na osnove prostoj formy [Formation of spatial thinking skills based on simple form]. *Biznes i dizajn revyu*, 2(22).

Информация об авторах

Олейникова Елена Николаевна, аспирант

Полынская Ирина Николаевна, доктор педагогических наук

ORCID 0000-0003-4115-1692

Author ID 790335

Information about the Authors

Elena N. Oleynikova, Postgraduate Student of the Department of Technological Disciplines, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation)

Irina N. Polynskaya, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Technological Disciplines, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation)

Author ID 790335

Материал поступил в редакцию 08.04.2024

The article was submitted 08.04.2024

Научная статья

УДК 159.9.072

DOI 10.25205/2658-4506-2023-16-2-73-89

Взаимосвязь эмоционального интеллекта и атрибутивного стиля

Диана Романовна Подвойская

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

d.podvoiskaya@g.nsu.ru

Аннотация

Работа посвящена исследованию взаимосвязи между уровнем развития способностей к познанию, управлению эмоциями и особенностями субъективного восприятия событий. В исследовании принимали участие 80 человек (46 женщин и 34 мужчины). Для сбора эмпирического материала были использованы: Шкала эмоционального отклика, дифференциальная анкета атрибутивных измерений, краткий опросник оптимистического атрибутивного стиля, тест социального интеллекта, опросник эмоционального интеллекта. Для обработки данных был использован корреляционный анализ. Была выявлена значимая положительная связь между оптимистическим атрибутивным стилем и некоторыми аспектами эмоционального интеллекта, в то время как ожидаемые связи с социальным интеллектом обнаружены не были.

Ключевые слова

атрибутивный стиль, эмоциональный интеллект, социальный интеллект, эмпатия, оптимизм

Для цитирования

Подвойская Д. Р. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и атрибутивного стиля // Reflexio. 2023. Т. 16, № 2. С. 73–89. DOI 10.25205/2658-4506-2023-16-2-73-89

The Relationship between Emotional Intelligence and Attributional Style

Diana R. Podvoyskaya

Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russian Federation
d.podvoiskaya@g.nsu.ru

Abstract

The work is devoted to the study of the relationship between the level of development of abilities to cognition, emotion management and the characteristics of subjective perception of events. The study involved 80 people (46 women and 34 men). To collect empirical material the following were used: Balanced Emotional Empathy Scale (BEES), Differential Attribution Questionnaire, Success and Failure Attributional Style Questionnaire 10 (SFASQ-10), Four Factor Test of Social Intelligence, Emotional Intelligence Test. Correlation analysis was used to process the data. A significant positive relationship was found between optimistic attributional style and some aspects of emotional intelligence, while the expected relationships with social intelligence were not found.

Keywords

attributional style, emotional intelligence, social intelligence, empathy, optimism

For citation

Podvoyskaya D. R. The Relationship between Emotional Intelligence and Attributional Style. *Reflexio*, 2023, vol. 16, no. 2, pp. 73–89. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2023-16-2-73-89

Интерес к исследованию эмоционального интеллекта имеет относительно давнюю историю. В 1920 г. Э. Торндайком была разработана трехкомпонентная модель интеллекта, включающая абстрактный интеллект, механический интеллект и социальный интеллект. Последний определяется как способность понимать людей и управлять ими. Это послужило началом разработки проблемы эмоционального интеллекта, чему также способствовали различные исследования мозга, невербальной коммуникации и социального интеллекта.

На данный момент наиболее разработанными концепциями эмоционального интеллекта являются модели способностей и модели смешанного типа. Указанные подходы разделены концептуально, имеют разные базы методик. В рамках теории П. Сэловея и Дж. Мэйера эмоциональный интеллект представляет собой совокупность умственных способностей: восприятие и опознание эмоций; применение эмоций для задач текущей деятельности; понимание истоков эмоций и их связей между собой; контроль эмоций и возможность выполнения эмоционально заряженных задач. Данная модель связывает эмоциональный интеллект с когнитивными способностями переработки информации.

Модель Р. Бар-Она содержит понятие коэффициента эмоционального интеллекта “EQ”, складывающегося из пяти компонентов: внутриличностной и межличностной составляющих, адаптивности, управления и общего настроения. Таким образом, Р. Бар-Он определяет эмоциональный интеллект через совокупность эмоциональных, личных и социальных способностей, влияющих на способность личности справляться с разными жизненными ситуациями, т. е. как большинство некогнитивных умений и знаний [Люсин, 2006].

Обратимся к отечественной теории эмоционального интеллекта Д. В. Люсина, по его определению, эмоциональный интеллект представляет собой способность понимать свои и чужие эмоции и управлять ими. Эмоциональный интеллект может быть внутриличностным и межличностным в зависимости от направленности в процессе актуализации способностей, используемых для понимания эмоций или управления ими. В рамках данной концепции эмоциональный интеллект имеет двойственную природу, объединяя когнитивные способности и личностные характеристики [Люсин и др., 2004].

Актуальность изучения соотношения эмоционального и социального интеллекта связана с важностью роли соответствующих компонентов (эмоционального и когнитивного) в социальном успехе человека. Широкая популярность изучения эмоционального интеллекта сочетается с неоднозначностью определения его концептуального поля. Многими исследованиями было доказано, что развитый эмоциональный интеллект связан с успехом в профессиональной и учебной деятельности [Андреева, 2012]. На фоне востребованности развития социальных способностей в разработке данной области обозначаются пробелы по части взаимосвязи эмоционального интеллекта и других психологических конструктов. Например, ряд исследований подтверждают положительную связь развитого эмоционального интеллекта и оптимизма, однако характер и механизмы этой связи не являются достаточно изученными, особенно в отношении процессов атрибуции.

Связь эмоционального интеллекта и позитивного взгляда отражена в некоторых теориях, например, Р. Бар-Он и Д. Гоулман прямо включают оптимизм в модели эмоционального интеллекта. Оптимизм в модели Д. Гоулмана выступает одним из факторов, обеспечивающих самоконтроль – одну из составляющих эмоционального интеллекта. Среди пяти сфер эмоционального интеллекта Р. Бар-Она выделяется сфера общего настроения, включающая оптимизм и удовлетворенность жизнью. Таким образом, предполагается, что человек с развитым эмоциональным интеллектом обладает оптимистическим взглядом.

Кроме того, по результатам некоторых эмпирических исследований эмоциональный интеллект способствует повышению эффективности коммуникации, успешности деятельности и психологического благополучия [Андреева, 2020; Brackett et al, 2006], так как люди с высоким эмоциональным интеллектом легче адаптируются к различным ситуациям и испытывают меньше труд-

ностей, связанных с социальным взаимодействием, соответственно, такие люди сталкиваются с меньшим стрессом в неблагоприятных обстоятельствах [Şahin et al, 2009]. Субъективное благополучие, в свою очередь, тесно связано с оптимизмом через позитивные ожидания относительно будущего, позитивное внимание, наслаждение моментом и т.д. [Titova & Gordeeva, 2021]. Таким образом, оптимизм и высокий эмоциональный интеллект выступают предикторами психологического благополучия, которые, возможно, усиливают друг друга.

Обратимся к исследованиям оптимизма, которые в основном представлены двумя подходами: диспозиционный оптимизм и оптимистический атрибутивный стиль. Первый подход рассматривает оптимизм как систему мировоззренческих взглядов и установок, второй – как комплекс конкретных операций субъекта, обуславливающих определенную обработку информации из окружающего мира, которая порождает положительные переживания.

По результатам исследования сходств и различий двух указанных подходов к оптимизму Т. О. Гордеевой и соавторов, было подтверждено сходство диспозиционного оптимизма и оптимистического атрибутивного стиля в качестве факторов, способствующих психологическому благополучию личности. Отличие обозначенных подходов к оптимизму было выявлено в связи с успешностью деятельности: диспозиционный оптимизм не показал значимых зависимостей с академической успешностью [Гордеева и др., 2017].

Рассмотрим обозначенные концепции оптимизма подробнее. Согласно теории диспозиционного оптимизма Ч. Карвера и М. Шейера, оптимизм определяет общее ожидание положительных событий в будущем, связан с субъективным психологическим благополучием и экстраверсией. Выраженный оптимизм также связан с низким уровнем тревоги и депрессии, хорошим самочувствием и более успешными отношениями с другими людьми [Carver et al., 2010]. В свою очередь, оптимистический атрибутивный стиль личности отражает то, как происходит субъективное восприятие различных жизненных событий, в том числе и в социальной сфере. Позитивный атрибутивный стиль предполагает восприятие благоприятных событий как постоянных, универсальных и вызванных причинами, связанными с внутренними характеристиками.

Осветив особенности диспозиционного и атрибутивного оптимизма, вернемся к обсуждению взаимосвязи между оптимизмом и эмоциональным интеллектом. По результатам метаанализа, направленного на изучение общей связи эмоционального интеллекта с оптимизмом, более высокий уровень эмоционального интеллекта действительно связан с большим оптимизмом ($r = 0,35$; $p < 0,001$) [Glassie & Schutte, 2024]. Следует отметить, что авторы исследования исходили из того, что диспозиционный оптимизм и оптимистический атрибутивный стиль являются близкими понятиями, объединенными общей скрытой конструкцией, при этом в большей части привлеченных исследований оценивался диспозиционный оптимизм. Ввиду того что влияние

атрибутивного стиля распространяется на сферу социального взаимодействия, представляется интересным и важным проверить связь между оптимистическим атрибутивным стилем и эмоциональным интеллектом.

Для исследования механизма предполагаемой взаимосвязи обратимся к теории Б. Вайнера, который изучал механизмы влияния атрибуций на поведение и вывел схему когнитивно-эмоционального процесса, состоящего из последовательности разворачивающихся пунктов: результат действия, оценка результата, универсальные позитивные или негативные эмоции, каузальная атрибуция и ее параметры, специфические эмоции. Б. Вайнер подчеркивает, что эмоциональные реакции являются не только результатом определения причины события, но и основанием для будущих действий субъекта [Гордеева, 2006]. На этом основании можно предположить, что субъект, обладающий развитым эмоциональным интеллектом, оказавшись в ситуации неудачи, сможет совладать с негативными эмоциями, не проваливаясь в подавленное состояние при полном осознании происходящих процессов. С другой стороны, выраженный оптимистический стиль в ситуациях неуспеха способствует облегченному совладанию с негативными эмоциями, так как связан с верой в будущие успехи и недолговечность неудач. Так индивид приобретает опыт преодоления подавленного деструктивного состояния и учится управлять своим поведением с помощью эмоций. Описанные процессы связаны с развитием эмоционального интеллекта, так как эмоциональная регуляция является одним из основных элементов ЭИ.

Обозначив теоретические основания выдвинутых предположений, перейдем к эмпирической проверке связи, которая может дать новую информацию о развитии позитивных психологических вмешательств, направленных на развитие коммуникативных навыков, повышение эффективности деятельности и уровня психологического благополучия.

Выборка

В исследовании принимали участие 80 человек (46 женщин и 34 мужчины) – студенты вузов России в возрасте от 16 до 30 лет ($M = 22$; $SD = 3,7$). Участники исследования заполняли: шкалу эмоционального отклика (А. Меграбиан и Н. Эпштейн), дифференциальную анкету атрибутивных измерений (А. М. Голубев), краткий опросник оптимистического атрибутивного стиля (Т. О. Гордеева, О. А. Сычев, Е. Н. Осин), тест социального интеллекта (Дж. Гилфорд), тест эмоционального интеллекта (Н. Холл).

Методы исследования

Тест эмоционального интеллекта

Опросник эмоционального интеллекта Н. Холла направлен на исследование самооценки способностей к пониманию эмоциональных отношений

личности, сознательному управлению эмоциями. Методика измеряет самооценку эмоционального интеллекта, сведения об адаптации крайне ограничены [Ильин, 2001].

Пункты теста формируют пять шкал: эмоциональная осведомленность, отражающая умение определять испытываемые эмоции и их причины; управление своими эмоциями – оценка умения сознательной регуляции и использования; управление эмоциями других людей – оценка возможности влияния на чужие эмоции; эмпатия – способность к распознаванию эмоционального состояния человека по невербальным сигналам, способность к сочувствию; шкала самомотивации связана с возможностью применения собственных эмоциональных состояний для повышения мотивации, эффективности поведения. Шкала эмпатии разработана на основании общего понимания феномена эмпатии, без учета компонентной структуры.

Опросник Н. Холла обладает рядом ограничений: И. Н. Андреева отмечает некоторое несоответствие содержания и названий шкал, например, шкала, обозначенная как самомотивация, описывает возможность произвольного управления своими эмоциями [Андреева, 2004]. Однако ее валидность проверяется и подтверждается некоторыми эмпирическими данными, наличием корреляций между результатами по тесту Холла и показателями других проверенных методик [Кондратенко, 2021].

На основании характеристики пунктов Е. П. Ильина и данных, полученных И. Н. Андреевой, далее шкала самомотивации будет обозначаться как шкала самоуправления.

Тест социального интеллекта

Тест социального интеллекта Гилфорда – Салливана, адаптированный Е. С. Михайловой, состоит из четырех субтестов: истории с завершением, группы экспрессии, вербальная экспрессия, истории с дополнением [Михайлова, 1996]. Показатели по первому субтесту отражают выраженность способности к прогнозированию поведения других людей на основе анализа чувств, мыслей и намерений; высокие результаты по второму субтесту связаны с развитой способностью к пониманию и использованию невербальной коммуникации; третий субтест исследует способности к использованию и пониманию вербальной речи; четвертый субтест наиболее полно и комплексно исследует способность понимать логику развития ситуаций взаимодействия. Кроме показателей по четырем субтестам высчитывается композитная оценка, отражающая общий уровень развития социального интеллекта, который связан с интегральным фактором познания поведения в теории Дж. Гилфорда [Кудинов, 2012. С. 133–156]. Данная объективная методика основана на модели структуры интеллекта Дж. Гилфорда.

Психометрические свойства теста представляются неоднозначными: данные, полученные в работе Е. С. Михайловой, показывают приемлемость

характеристик [Михайлова, 1996], но некоторые авторы указывают на ограниченность информации о психометрических свойствах данной адаптации [Люсин и Михеева, 2004].

Опросник СТОУН-10

Краткий опросник оптимистического атрибутивного стиля разработан Т. О. Гордеевой, Е. Н. Осиным, О. А. Сычевым и В. А. Титовой Граншам [Гордеева и др., 2019]. Данная методика направлена на изучение параметров (глобальности и стабильности) атрибутивного стиля. СТОУН-10 состоит из пяти ситуаций успеха и пяти ситуаций неудачи. Методика обладает хорошей надежностью (0.8) и валидностью. СТОУН-10 разработана на основе ASQ С. Петерсона, М. Селигмана. Основное отличие отечественной методики заключается в исключении параметра интернальности причин при сохранении характеристик постоянства и глобальности ввиду их надежности.

С помощью опросника можно получить показатели оптимистического атрибутивного стиля, оптимизма в ситуациях успеха (ОАС-У) и неудачи (ОАС-Н), стабильность успехов и неудач, глобальность успехов и неудач.

Дифференциальная анкета атрибутивных измерений

Анкета атрибутивного стиля была разработана А. М. Голубевым в качестве дополнительного инструмента для оценки глобальности и стабильности на определенных атрибуциях [Голубев, 2023]. Методика предназначена для использования в исследовательских целях, она обладает достаточно хорошими психометрическими свойствами. Испытуемым предлагается оценить постоянство и глобальность интернальных и экстернальных причин, определяющих успех или неуспех. Среди этих причин: способность, усилия, влияние других людей, случайность.

Шкала эмоционального отклика

Шкала эмоционального отклика BEES разработана А. Меграбианом и Н. Эпштейном, она является сокращенной версией опросника эмоциональной эмпатии EETS, который был адаптирован Ю. М. Орловым и Ю. Н. Емельяновым [Солдатов и др., 2008]. Шкала предназначена для измерения эмоциональной эмпатии и оценивает способность к сопереживанию как личностную черту.

Данный опросник направлен на анализ эмоциональной реакции субъекта на чужие переживания. Методика помогает исследовать эмпатию в основном через эмоциональные феномены, нежели когнитивные и поведенческие механизмы. Опросник исследует эмпатию через механизм эмоционального заражения, возникновение отклика.

Результаты исследования. Взаимосвязь между показателями социального, эмоционального интеллекта, эмпатии и особенностями атрибутивного стиля

Эмоциональный и социальный интеллект – близкие понятия, особенно пересекающиеся на территории межличностного взаимодействия. Перед тем как рассматривать основные связи между атрибутивным стилем и социальным и эмоциональным интеллектом, были проанализированы корреляции между показателями по тесту социального интеллекта Дж. Гилфорда и опроснику эмоционального интеллекта Н. Холла.

Ожидаемые в этой связи закономерности не были получены: исследование корреляционных связей между показателями эмоционального и социального интеллекта лишь частично подтверждает близость конструктов с учетом концептуальной специфичности. Сходство социального и эмоционального интеллекта было отмечено во взаимосвязи способности к прогнозированию и развитой эмоциональной осведомленности ($r = 0,24$; $p < 0,05$), эмпатии ($r = 0,315$; $p < 0,01$).

По мнению С. П. Деревянко, конструкты объединяет принадлежность к «общению», отличие же заключается в направленности общения. Эмоциональный интеллект больше направлен на собственные эмоции в ситуациях общения, а социальный интеллект ориентирован на межличностное взаимодействие. При этом оба вида интеллекта включают аспекты межличностного и внутриличностного. Актуализация эмоционального интеллекта происходит в сфере эмоционального общения, а социального интеллекта – в сфере межличностного общения [Люсин, 2004]. На силу связей, вероятно, повлияли разные типы используемых методик. В ряде случаев результаты самооценочных методик могут существенно отличаться от результатов задачных объективных тестов при измерении близких конструктов [Белобородов и Иванова, 2014]. Кроме того, некоторые ограничения российской адаптации теста социального интеллекта Дж. Гилфорда могли существенно повлиять на полученные корреляционные связи [Люсин и Михеева, 2004].

В результате сравнения измерений с помощью двух шкал эмпатии (Н. Холла, А. Меграбиана и Н. Эпштейна) было показано, что указанные методики измеряют несколько разные аспекты эмпатии. По данным Е. А. Троицкой, полученным в процессе проверки конструктивной валидности опросника эмпатии, опросник А. Меграбиана на 70 % направлен на исследование эмоционального компонента эмпатии, а шкалы опросника Н. Холла по большей части связаны с когнитивным компонентом [Троицкая, 2012]. В данном исследовании не поднимался вопрос сравнения показателей эмпатии, полученных с помощью двух указанных методик, что требует отдельного изучения.

Осветив сравнительные особенности социального и эмоционального интеллекта, а также свойства использованных методик, перейдем к анализу полученных связей между особенностями атрибутивного стиля и компонен-

тами эмоционального интеллекта. Результаты представлены в таблице. Были получены ожидаемые корреляционные зависимости, подтверждающие взаимосвязь оптимистического атрибутивного стиля и эмоционального интеллекта: эмоциональная осведомленность ($r = 0,393$; $p < 0,01$), управление своими эмоциями ($r = 0,259$; $p < 0,05$), самоуправление ($r = 0,465$; $p < 0,01$), эмпатия ($r = 0,365$; $p < 0,01$), управление эмоциями других людей ($r = 0,58$; $p < 0,01$), т. е. выраженный оптимистический стиль связан с лучшим пониманием испытываемых эмоций, развитой способностью влиять на себя и других с помощью эмоций, возможностью сопереживать. Взаимосвязь со шкалой управления собственными эмоциями оказалась значимой, но самой слабой. Это может быть связано с тем, что вопросы шкалы направлены на изучение способности к контролю и подавлению эмоций, некоторые вопросы по содержанию могут измерять эмоциональную нечувствительность, а не эмоциональную регуляцию.

Однако если рассматривать особенности оптимистического стиля в ситуациях неудачи и успеха отдельно, то можно заметить явные расхождения в структуре связей с разными показателями эмоционального интеллекта. Были получены неожиданные различия корреляционных связей: шкала самоуправления и управления своими эмоциями значимо коррелируют с показателем оптимистического стиля в ситуациях неуспеха (ОАС-Н), но не коррелируют с показателем оптимистического стиля в ситуациях успеха (ОАС-У). Полученное различие можно объяснить тем, что регуляция эмоционального состояния и самоуправление важны в ситуациях неуспеха из-за необходимости предпринимать активные действия для разрешения трудной ситуации. В случае успеха такая задача, вероятно, не стоит. В связи с этим субъект, способный эффективно управлять собственными эмоциями, будет обладать более оптимистическим стилем в ситуациях неуспеха.

Если же рассмотреть отдельные типы причин в ситуации неуспеха, то показатели глобальности-стабильности по интернальным причинам отрицательно связаны с показателями по всем шкалам эмоционального интеллекта Холла: эмоциональная осведомленность ($r = -0,308$; $p < 0,01$), управление своими эмоциями ($r = -0,252$; $p < 0,05$), самомотивация ($r = -0,263$; $p < 0,05$), эмпатия ($r = -0,267$; $p < 0,05$), управление эмоциями других людей ($r = -0,317$; $p < 0,01$) – чем выше эмоциональный интеллект, тем меньше выражена склонность объяснять неудачи внутренними причинами. Аналогично, склонность объяснять успех внутренними причинами положительно коррелирует со шкалами эмоционального интеллекта. Таким образом, полученная зависимость подтверждает связь ОАС и эмоционального интеллекта.

По результатам исследования основных связей можно сказать о том, что ожидаемые связи с социальным интеллектом не были обнаружены, но была выявлена значимая положительная связь между оптимистическим атрибутивным стилем и большинством аспектов эмоционального интеллекта. Можно

Корреляции между показателями шкал опросника эмоционального интеллекта, теста социального интеллекта, опросника эмоционального отклика и показателями методик, направленных на исследование атрибутивного стиля

Шкалы	выборка	ОАС	ОАС-У	ОАС-Н	ИУ	ЭУ	ИН	ЭН
Истории с завершением	общая	0,07	0,13	-0,03	-0,06	0,08	-0,13	-0,19
Группы экспрессии	общая	-0,18	-0,14	-0,16	-0,19	-0,08	-0,01	-0,10
Вербальная экспрессия	общая	-0,18	0,09	-0,27*	-0,06	0,03	0,08	0,03
Истории с дополнением	общая	-0,09	0,12	-0,17	-0,14	0,07	-0,01	-0,07
Композитная оценка (соц. инт.)	общая	-0,12	0,08	-0,22	-0,17	0,02	-0,04	-0,12
Эмоц. осведомленность	общая	0,39**	0,30**	0,22	0,31**	0,02	-0,31**	-0,45**
Управление своими эмоциями	общая	0,26*	0,01	0,32**	0,14	-0,15	-0,25*	-0,18
Самоуправление	общая	0,47**	0,17	0,48**	0,30**	0,00	-0,26*	-0,28*
Управление эмоциями др. людей	общая	0,58**	0,48**	0,39**	0,32**	0,30**	-0,32**	-0,23*
Эмпатия (Холл)	общая	0,37**	0,34**	0,16	0,22	0,16	-0,27*	-0,22
	муж	0,61**	0,53**	0,34*	0,27	0,18	-0,25	-0,20
Эмпатия (Меграбиан)	жен	0,19	0,27	0,03	0,21	0,14	-0,25	-0,19
	общая	0,12	0,22	0,00	0,04	0,29**	0,06	-0,03
	муж	0,09	0,19	-0,09	-0,05	0,09	0,23	-0,06
	жен	0,11	0,35*	-0,06	0,11	0,46**	0,04	0,06

Примечание. * – корреляция значима на уровне 0,05; ** – корреляция значима на уровне 0,01. ОАС – оптимистический атрибутивный стиль; ОАС-Н – оптимистический атрибутивный стиль в ситуациях неудач; ИУ – оценка стабильности и глобальности интернальных причин в ситуациях успеха; ЭУ – оценка стабильности и глобальности экстернальных причин в ситуациях успеха; ИН – оценка стабильности и глобальности интернальных причин в ситуациях неуспеха; ЭН – оценка стабильности и глобальности экстернальных причин в ситуациях неуспеха.

предположить, что в основе полученного различия лежит важность именно эмоционального компонента для формирования оптимизма.

Интересные результаты были получены для эмпатии. Во-первых, атрибутивный стиль имел корреляции с этим показателем, полученным с помощью опросника Н. Холла, но не показал связи с показателем эмпатии опросника А. Меграбиана; во-вторых, наблюдались различия между мужской и женской выборками: результаты показывают, что эмпатия существенно связана с оптимистическим атрибутивным стилем в мужской выборке, но не связана значительно с оптимистическим атрибутивным стилем в женской. Опираясь на результаты сравнения двух использованных методик, измеряющих эмпатию, можно сказать, что на оптимистический атрибутивный стиль мужчин, вероятно, в большей степени влияет поведенческий и когнитивный компонент эмпатии, но не эмоциональный.

Исследования показывают, что женщины лучше выстраивают эмпатические отношения по сравнению с мужчинами. Мужчины в свою очередь не уступают женщинам в когнитивной эмпатии [Hojat, 2016]. Вероятно, женщины и мужчины склонны использовать разные способы обработки информации, т. е. задействовать разные каналы эмпатии. Результаты некоторых функциональных МРТ-исследований показывают, что при решении «эмоциональных» задач женщины задействуют больше «эмоциональных» областей мозга, а мужчины активируют больше когнитивных областей [Derntl et al, 2010], а также женщины и мужчины полагаются на разные стратегии при оценке эмоций [Schulte-Rüther et al, 2008].

Кроме того, была получена значимая связь между показателем эмпатии по опроснику А. Меграбиана и ОАС-У, экстернальными причинами успеха на женской выборке – более развитая эмпатия связана с большим влиянием экстернальных причин на успешность событий и более выраженным оптимизмом. Продолжая мысль о разнице мужского и женского социального поведения, можно предположить, что большая вовлеченность женщин в социальные отношения может обуславливать иное восприятие помощи, нежели у мужчин: вероятно, женщины, обладающие более развитой эмпатией, считают поддержку со стороны более значимой и ценной.

На мужской выборке была получена иная закономерность: показатель эмпатии Н. Холла имеет достаточно сильную связь с оптимистическим атрибутивным стилем. На этом основании можно предположить, что мужчины, обладающие низкой эмпатией по результатам опросника Н. Холла, меньше способны понимать контекст социального взаимодействия, причинно-следственные закономерности изменений и в связи с этим чувствовать себя более беспомощными, не способными повлиять на ход ситуации, т. е. они будут обладать менее оптимистическим стилем.

Подводя итог, исследование взаимосвязи между особенностями атрибутивного стиля и эмоционального интеллекта показало, что позитивное субъективное объяснение происходящих событий действительно коррелирует

с более развитыми способностями эмоционального интеллекта: обладая выраженным оптимистическим атрибутивным стилем, человек, вероятно, демонстрирует лучшую осведомленность об испытываемых чувствах, способность к регуляции своих и чужих эмоциональных состояний, а также способность к сопереживанию, которая имеет свои особенности при сравнении показателей мужчин и женщин.

Список литературы

Андреева И. Н. Азбука эмоционального интеллекта. СПб.: БХВ-Петербург, 2012.

Андреева И. Н. Понятие и структура эмоционального интеллекта // Социально-психологические проблемы ментальности: 6-я Международная научно-практическая конференция 26–27 ноября 2004 года, г. Смоленск: В 2 ч. Смоленск: СГПУ, 2004. Ч. 1. С. 22–26.

Андреева, И. Н. Эмоциональный интеллект и эмоциональная креативность: специфика и взаимодействие. Новополюцк: Полоц. гос. ун-т, 2020. 356 с.

Белобородов А. М., Иванова Е. С. Сравнительный анализ результатов диагностики самооценки и объективных показателей эмоционального интеллекта // Научный диалог. 2014. № 11 (35).

Высочил Н. А. Детерминанты уровня эмоционального интеллекта // КПЖ. 2009. № 11–12.

Голубев А. М. Особенности связей между локусами причинности в атрибутивном стиле // Reflexio. 2023. Т. 16, № 1. С. 29–42. DOI 10.25205/2658-4506-2023-16-1-29-42

Гордеева Т. О., Сычев О. А., Осин Е. Н. Оптимистический атрибутивный стиль и диспозиционный оптимизм: эмпирическая проверка сходства и различия двух конструктов // Психология. Журнал ВШЭ. 2017. № 4.

Гордеева Т. О., Сычев О. А., Осин Е. Н., Титова Гранишам В. А. Краткий опросник оптимистического атрибутивного стиля // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 6. С. 76–86.

Гордеева Т.О. Психология мотивации достижения. М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2006. 336 с.

Гриб Е. В. К вопросу о соотношении социального и других видов интеллекта // ИСОМ. 2017. № 1-1.

Далгатов М. М. Оптимистический стиль атрибуции как фактор мотивации и успешности педагогической деятельности // Известия ДГПУ. Психолого-педагогические науки. 2009. № 1.

Ильин Е. И. Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2001. С. 633–634.

Кондратенко А. Б., Григорьев А. Н., Кондратенко Б. А. Сравнительный анализ методик Н. Холла и Д. Люсина для измерения эмоционального интеллекта (на примере будущих государственных служащих) // Вестник Кали-

нинградского филиала Санкт-Петербург. ун-та МВД России. 2021. № 1(63). С. 115–118. EDN LIWRVC.

Кудинов С. И., Кудинов С. С. Психодиагностика личности: Учебн. пособие. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2012. С. 133–156.

Люсин Д. В., Михеева Н. Д. Психометрический анализ русской версии теста на социальный интеллект Дж. Гилфорда М. О’Салливена // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2004. С. 119–128.

Люсин Д. В. Новая методика измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн // Психол. диагностика. 2006. № 4.

Люсин Д. В., Марютина О. О., Степанова А. С. Структура эмоционального интеллекта и связь его компонентов с индивидуальными особенностями: эмпирический анализ. Сб. науч. трудов. «Социальный интеллект: теория, измерение, исследования» / Под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2004.

Михайлова (Алешина) Е. С. Методика исследования социального интеллекта. Руководство по использованию. СПб.: Иматон, 1996.

Сергиенко Е. А., Хлевная Е. А., Киселёва Т. С. Роль эмоционального интеллекта в эффективности деятельности и психологическом благополучии человека // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. № 1.

Солдатова Г. У., Шайгерова Л. А., Прокофьева Т. Ю., Кравцова О. А. Психодиагностика толерантности личности. М.: Смысл, 2008.

Троицкая, Е. А. Особенности разработки методики исследования структурных компонентов эмпатии // Вестник Московск. гос. лингвист. ун-та. 2012. № 640. С. 144–157..

Brackett M. A., Rivers S. E., Shiffman S, Lerner N, Salovey P. Relating emotional abilities to social functioning: a comparison of self-report and performance measures of emotional intelligence. *J Pers Soc Psychol.* 2006 Oct;91(4):780-95. DOI: 10.1037/0022-3514.91.4.780.

Carver C. S., Scheier M. F., & Segerstrom S. C. (2010). Optimism. *Clinical Psychology Review*, 30(7), 879–889. 10.1016/j.cpr.2010.01.006

Dernit B., Finkelmeier A., Eickhoff S., Kellermann T., Falkenberg DI., Schneider F., Habel U. Multidimensional assessment of empathic abilities: neural correlates and gender differences. *Psychoneuroendocrinology.* 2010 Jan;35(1):67-82. DOI: 10.1016/j.psyneuen.2009.10.006.

Glassie S. L, Schutte N. S. The relationship between emotional intelligence and optimism: A meta-analysis. *Int J Psychol.* 2024 Jan 12. DOI: 10.1002/ijop.13108. Epub ahead of print.

Hatice Kumcagiz, Seher Balci Celik, Muge Yilmaz, Zerrin Eren. The effects of emotional intelligence on optimism of university students, *Procedia - Social and Behavioral Sciences.*

Hetemi, Blerim & Abazi, Kaltrina & Kryeziu Hoxha, Blerta & Hoxha, Adnan & Hajrullahu, Vjose & Gallopeni, Florim & Taganoviq, Besarta. (2023). Impact of empathic skills to social intelligence. *Environment and Social Psychology*. 8. 10.54517/esp.v8i3.2176.

Hojat, M. (2016). Empathy and Gender: Are Men and Women Complementary or Opposite Sexes?. 10.1007/978-3-319-27625-0_10. 2011. Vol. 30, P. 973–977, <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2011.10.189>.

Kaukiainen, Ari & Björkqvist, Kaj & Lagerspetz, Kirsti & Österman, Karin & Salmivalli, Christina & Rothberg, Sari & Ahlbom, Anne. (1999). The Relationships between Social Intelligence, Empathy, and Three Types of Aggression. *Aggressive Behavior*. 25. 81–89. 10.1002/(SICI)1098-2337(1999)25:2<81::AID-AB1>3.0.CO;2-M.

Mayer J. D., Salovey P. Emotional intelligence and the construction and regulation of feelings. *Applied and Preventive Psychology* 1995; 4(3): 197–208. DOI: 10.1016/S0962-1849(05)80058-7

Schulte-Rüther M, Markowitsch HJ, Shah NJ, Fink GR, Piefke M. Gender differences in brain networks supporting empathy. *Neuroimage*. 2008 Aug 1;42(1):393–403. DOI: 10.1016/j.neuroimage.2008.04.180. Epub 2008 Apr 23

Titova Grandchamp V. A., Gordeeva T. O., Sychev O. A. Optimistic Attributional Style as a Predictor of Well-Being: Exploring the Mediating Roles of Gratitude and Savoring the Moment. *Psychol Russ*. 2021 Sep 30;14(3):50–67. DOI: 10.11621/pir.2021.0304.

Şahin N. H., Güler M., & Basım N. (2009). A tipi kişilik örüntüsünde bilişsel ve duygusal zekânın stresle başa çıkma ve stres belirtileri ile ilişkisi. *Psikiyatri Dergisi*, 20(3):243–254.

References

Andreeva I. N (2012). *Azbuka emocional'nogo intellekta* [ABC of emotional intelligence]. BHV-Peterburg. (in Russ.)

Andreeva I. N (2004). Ponyatie i struktura emocional'nogo intellekta [Concept and structure of emotional intelligence]. *Social'no-psihologicheskie problemy mental'nosti*: 6 Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferencia, 26–27 November 2004, Smolensk, SSPU, 1, 22–26. (in Russ.)

Andreeva I. N (2020). *Emocional'nij intellekt i emocionalnaya kreativnost': specifika i vzaimodeistvie* [Emotional intelligence and emotional creativity: specificity and interaction]. Novopolotsk, Polotsk State University. 356 (in Russ.)

Beloborodov A. M., Ivanova E. S. (2014). Sravnitel'nyj analiz rezul'tatov diagnostiki samoocenki i ob'ektivnyh pokazatelej emocional'nogo intellekta [Comparative analysis of the results of diagnostics of self-esteem and objective indicators of emotional intelligence]. *Nauchnij dialog*, 11(35). (in Russ.)

Brackett MA, Rivers SE, Shiffman S, Lerner N, Salovey P. (2006). Relating emotional abilities to social functioning: a comparison of self-report and

performance measures of emotional intelligence. *J Pers Soc Psychol*, 91(4), 780-95. doi: 10.1037/0022-3514.91.4.780.

Carver C. S., Scheier M. F., & Segerstrom, S. C. (2010). Optimism. *Clinical Psychology Review*, 30(7), 879–889. 10.1016/j.cpr.2010.01.006

Derevyanko, S. P. 2007. Emotsionalnyy intellekt: problemy kategorialnosti [Emotional intelligence: categorical issues]. In: *Psikhologiya v sovremennom informatsionnom prostranstve: materialy mezhdunar.nauch. konfer.* Smolensk: Izd-vo SmolGU. (in Russ).

Derntl B., Finkelmeyer A., Eickhoff S., Kellermann T., Falkenberg DI., Schneider F., Habel U. (2010). Multidimensional assessment of empathic abilities: neural correlates and gender differences. *Psychoneuroendocrinology*, 35(1), 67-82. DOI: 10.1016/j.psyneuen.2009.10.006.

Glassie S. L., Schutte N. S. (2024). The relationship between emotional intelligence and optimism: A meta-analysis. *Int J Psychol*. doi: 10.1002/ijop.13108. Epub ahead of print.

Golubev A. M. (2023). Studying the connections between different variants of causal explanations in the attributional style. *Reflexio*, 16(1), 29–42. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2023-16-1-29-42

Gordeeva, T. O., Sychev, O. A., Osin, E. N. (2017). Optimisticheskij atributivnyy stil' i dispozicionnyy optimizm: empiricheskaya proverka skhodstva i razlichiya dvuh konstruktov [Optimistic attributive style and dispositional optimism: an empirical test of the similarities and differences of two constructs]. *Psihologiya. Zhurnal VShE*, 4. (in Russ.)

Gordeeva, T. O., Sychev, O. A., Osin, E. N., Titova Gransham, V. A. (2019). Kratkij oprosnik optimisticheskogo atributivnogo stilya [Brief questionnaire of the optimistic attributional style]. *Psihologicheskij zhurnal*, 40(6), 76–86 (in Russ.)

Grib E. V. (2017). K voprosu o sootnoshenii social'nogo i drugih vidov intellekta [On the relationship between social and other types of intelligence]. *ISOM*, 1(1). (in Russ.)

Hatice Kumcagiz, Seher Balci Celik, Muge Yilmaz, Zerrin Eren. (2011). The effects of emotional intelligence on optimism of university students. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 30, 973–977. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2011.10.189>.

Hetemi, Blerim & Abazi, Kaltrina & Kryeziu Hoxha, Blerta & Hoxha, Adnan & Hajrullahu, Vjose & Gallopeni, Florim & Taganoviq, Besarta. (2023). Impact of empathic skills to social intelligence. *Environment and Social Psychology*, 8. 10.54517/esp.v8i3.2176.

Hojat, M. (2016). Empathy and Gender: Are Men and Women Complementary or Opposite Sexes?. 10.1007/978-3-319-27625-0_10.

Ilyin E. I. (2001). Emocii i chuvstva [Emotions and feelings]. SPb, Piter, 633–634. (in Russ.)

Kaukiainen, A., Björkqvist, K., Lagerspetz, K., Österman, K., Salmivalli, C., Rothberg, S., & Ahlbom, A. (1999). The Relationships between Social Intelligence,

Empathy, and Three Types of Aggression. *Aggressive Behavior*, 25, 81-89. 10.1002/(SICI)1098-2337(1999)25:2<81::AID-AB1>3.0.CO;2-M.

Kondratenko A. B. (2021). Sravnitel'nyj analiz metodik N. Holla i D. Lyusina dlya izmereniya emocional'nogo intellekta (na primere budushchih gosudarstvennyh sluzhashchih) [Comparative analysis of N. Hall and D. Lyusin's methods for measuring emotional intelligence (using future civil servants as an example)]. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 1(63), 115–118. (in Russ.)

Kudinov S. I. (2012). Psihodiagnostika lichnosti. uchebnoe posobie [Personality psychodiagnostics: Textbook] S.I. Kudinov, S.S. Kudinov, Tolyatti: Izdatelstvo TGU, 133–156. (in Russ.)

Lyusin D. V. (2006). Novaya metodika izmereniya emocional'nogo intellekta: oprosnik [New method for measuring emotional intelligence: the EmIn questionnaire]. *EmIn. Psihologicheskaya diagnostika*, 4. (in Russ.)

Lyusin D. V., Maryutina O. O., Stepanova A. S. (2004). Struktura emocional'nogo intellekta i svyaz' ego komponentov s individual'nymi osobennostyami: empiricheskij analiz [The structure of emotional intelligence and the relationship of its components with individual characteristics: an empirical analysis]. *Sb. nauch. trudov. «Social'nyj intellekt: teoriya, izmerenie, issledovaniya»*. Izdatelstvo «Institut psihologii RAN». (in Russ.)

Lyusin D. V., Mikheeva N. D. (2004). Psihometricheskij analiz russoj versii testa na social'nyj intellekt Dzh. Gilforda M. O'Sallivena [Psychometric analysis of the Russian version of the social intelligence test by J. Guilford M. O'Sullivan]. *Social'nyj intellekt: teoriya, izmerenie, issledovaniya*. Izdatelstvo «Institut psihologii RAN», 119–128. (in Russ.)

Mayer JD, Salovey P. (1995). Emotional intelligence and the construction and regulation of feelings. *Applied and Preventive Psychology*, 4(3), 197–208. doi: 10.1016/S0962-1849(05)80058-7

Mikhailova (Aleshina) E. S. (1996). *Metodika issledovaniya social'nogo intellekta* [Methodology for studying social intelligence]. Rukovodstvo po ispol'zovaniyu. SPb, GP Imaton. (in Russ.)

Schulte-Rüther M., Markowitsch H. J., Shah NJ., Fink G. R., Piefke M. (2008). Gender differences in brain networks supporting empathy. *Neuroimage*, 42(1), 393–403. doi: 10.1016/j.neuroimage.2008.04.180.

Sergiyenko E. A., Khlevnaya Ye. A., Kiselyova T. S. (2020). The role of emotional intellect in human performance and psychological well-being. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psihologiya. Sociokinetika*, 26(1), 46–53 (In Russ.). DOI 10.34216/2073-1426-2020-26-1-46-53.

Soldatova G. U., Shaigerova L. A., Prokofieva T. Y., Kravtsova O. A. (2008). *Psihodiagnostika tolerantnosti lichnosti* [Psychodiagnostics of personality tolerance]. Moscow: Smysl. (in Russ.)

Titova Grandchamp V. A., Gordeeva T. O., Sychev O. A. (2021). Optimistic Attributional Style as a Predictor of Well-Being: Exploring the Mediating Roles of

Gratitude and Savoring the Moment. *Psychol Russ*, 14(3), 50–67. DOI: 10.11621/pir.2021.0304.

Troitskaya, E. A. (2012). Osobennosti razrabotki metodiki issledovaniya strukturnih komponentov empatii [Features of the development of a methodology for studying the structural components of empathy]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 640, 144–157.

Vyskochil N. A. (2009). Determinanty urovnya emocional'nogo intellekta [Determinants of the level of emotional intelligence]. *KPZH*, 11–12 (in Russ.)

Şahin, N. H.; Güler, M. & Basım, N. (2009). A tipi kişilik örüntüsünde bilişsel ve duygusal zekânın stresle başa çıkma ve stres belirtileri ile ilişkisi. *Psikiyatri Dergisi*, 20(3):243–254.

Информация об авторе

Подвойская Диана Романовна, студентка факультета медицины и психологии В. Зельмана Новосибирского государственного университета

Information about the Author

Diana R. Podvoyska, Student at the Faculty of Medicine and Psychology, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

Материал поступил в редколлегию 20.06.2024

The article was submitted 20.06.2024

Научная статья

УДК 159.99

DOI 10.25205/2658-4506-2023-16-2-90-100

Особенности использования схема-терапии в лечении депрессии

Алексей Валерьевич Приблуда

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

a.pribluda@g.nsu.ru

Аннотация

В статье рассматриваются особенности применения схема-терапии при лечении депрессивных расстройств. Схема-терапия является одним из направлений «третьей волны» когнитивно-поведенческой терапии, демонстрирующим значительную эффективность в лечении хронических аффективных расстройств, включая депрессию. Систематический обзор литературы позволяет осветить теоретическую базу схема-терапии, включая понятия ранних дезадаптивных схем и режимов, а также методы работы с ними для устранения симптомов депрессии. В статье синтезированы данные о эффективности схема-терапии в уменьшении проявлений депрессии, улучшении эмоциональной регуляции и повышении устойчивости лиц, страдающих этим заболеванием. Также описаны потенциальные преимущества и ограничения данного метода. В заключении изложены практические аспекты применения схема-терапии, подходящие категории пациентов и перспективы будущих исследований в контексте повышения ее эффективности и адаптации в клинической практике.

Ключевые слова

схема-терапия, депрессия, ранние дезадаптивные схемы, схема-режимы, когнитивно-поведенческая терапия

Для цитирования

Приблуда А. В. Особенности использования схема-терапии в лечении депрессии // Reflexio. 2023. Т. 16, № 2. С. 90–100. DOI 10.25205/2658-4506-2023-16-2-90-100

© Приблуда А. В., 2023

The Features of Using Schema Therapy in the Treatment of Depression

Alexey V. Pribluda

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation
a.pribluda@g.nsu.ru

Abstract

The article discusses the features of using schema therapy in the treatment of depressive disorders. Schema therapy is one of the approaches of the “third wave” of cognitive-behavioral therapy, demonstrating significant effectiveness in treating chronic affective disorders, including depression. A systematic review of the literature allows us to highlight the theoretical foundations of schema therapy, including concepts such as early maladaptive schemas and modes, as well as methods for working with them in order to reduce symptoms of depression. The article synthesizes data on the efficacy of schema therapy in reducing depressive symptoms, improving emotional regulation, and increasing resilience in people suffering from depression. Potential advantages and limitations of this approach are also discussed. In conclusion, the paper outlines the practical aspects of using schema therapy, suitable patient categories, and prospects for future research to improve its effectiveness and adaptability in clinical practice.

Keywords

Schema therapy, depression, early maladaptive schemas, schema modes, cognitive behavioral therapy

For citation

Pribluda A. V. The Features of Using Schema Therapy in the Treatment of Depression. *Reflexio*, 2023, vol. 16, no. 2, pp. 90–100. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2023-16-2-90-100

Отличительные особенности схема-терапии

В психотерапии схема представляет собой устойчивую когнитивную структуру, состоящую из убеждений, представлений, ожиданий и ассоциаций, которые определяют, как человек воспринимает себя, других и окружающий мир. Схемы формируются на протяжении всей жизни, начиная с раннего детства, и оказывают существенное влияние на наши эмоции, поведение и принятие решений.

Схемы разрабатываются на основе опыта, особенно тех ситуаций, которые повторяются или имеют сильный эмоциональный окрас. Они помогают организовать информацию и быстро реагировать на сложные или знакомые ситуации. Однако из-за своей устойчивости схемы могут также искажать реальность, игнорируя или перекрашивая новый опыт, чтобы сделать его согласующимся со старыми убеждениями [Leahy, 2018].

В схема-терапии особое внимание уделяется ранним дезадаптивным схемам, которые являются непродуктивными или негативными и мешают нор-

мальному функционированию человека. Ранние дезадаптивные схемы могут возникать из-за травм, недостаточного внимания к базовым потребностям человека в детстве или негативных опытов с окружающими.

Схема-терапия – это относительно новая интегративная форма психотерапии, разработанная Дж. Янгом и его коллегами. Она опирается на традиционные когнитивно-поведенческие принципы и техники, в то же время объединяя элементы различных научных школ, таких как теория привязанности, гештальт-терапия, теория объектных отношений, конструктивизм и психоанализ. Этот уникальный подход создает целостную и эффективную модель лечения для людей с хроническими психологическими проблемами [Young, Klosko, Weishaar, 2003].

Основными теоретическими концепциями схема-терапии являются базовые эмоциональные потребности, ранние дезадаптивные схемы, копинг-стратегии и режимы.

Янг определяет ранние дезадаптивные схемы как глубоко укорененные эмоциональные и когнитивные убеждения и ожидания, которые формируются у человека на протяжении детства и подросткового возраста в результате негативного или травмирующего жизненного опыта.

Согласно Янгу, ранние дезадаптивные схемы возникают, когда базовые потребности ребенка (в безопасности, любви, присутствии и передаче жизненных знаний) остаются неудовлетворенными или нарушенными в результате отношений с родителями, родными или другими опекунами. Эти схемы образуют устойчивые паттерны восприятия и реагирования, которые искажают мышление, эмоции и поведение во взрослой жизни.

Янг и его коллеги выделяют 18 ранних дезадаптивных схем, которые были сгруппированы в 5 доменов, связанных с базовыми эмоциональными потребностями:

Домен 1: Нарушение связи / отвержение

1. Эмоциональная депривация: неглубокие эмоциональные отношения, слабая способность к близости.

2. Покинутость/нестабильность: ожидание того, что значимые люди не будут доступны, надежны или последовательны.

3. Недоверие/жестокое обращение: ожидание того, что другие будут причинять вред, эксплуатировать или злоупотреблять.

4. Дефективность/стыд: убеждение в том, что человек ущербен, неадекватен или непривлекателен.

5. Социальная изоляция/отчуждение: ощущение того, что человек фундаментально отличается от других и не вписывается в окружение.

Домен 2: Нарушенная автономия

6. Зависимость/некомпетентность: убеждение в том, что человек не в состоянии справиться с повседневными обязанностями без помощи других.

7. Уязвимость перед вредом или болезнью: чрезмерный страх перед внешней опасностью или катастрофой.

8. Запутанность/Неразвитое «Я»: чрезмерная эмоциональная вовлеченность и близость со значимыми другими, приводящие к отсутствию индивидуальной идентичности.

9. Неуспешность: убежденность в том, что человек неизбежно потерпит неудачу или в корне неадекватен по сравнению со своими сверстниками.

Домен 3: Нарушенные границы

10. Привилегированность/грандиозность: человек считает себя лучше других, полагает, что заслуживает особых привилегий и не осознает необходимость соблюдать правила взаимного уважения, характерные для нормального социального взаимодействия.

11. Недостаточный самоконтроль / самодисциплина: трудности или отказ проявлять сдержанность, контролировать импульсы или терпеть разочарование.

Домен 4: Направленность на других

12. Покорность: тенденция передавать контроль другим или подавлять свои потребности и желания, чтобы удовлетворить потребности других.

13. Самопожертвование: чрезмерная сосредоточенность на удовлетворении потребностей других, часто в ущерб собственным потребностям.

14. Стремление к одобрению / признанию: чрезмерное стремление к вниманию, восхищению или одобрению со стороны других.

Домен 5: Чрезмерная бдительность / подавление эмоций

15. Негативизм/пессимизм: тотальная сосредоточенность на негативных аспектах жизни или ожидании неудачи.

16. Подавление эмоций: подавление или сдерживание эмоционального выражения или спонтанного поведения.

17. Жесткие стандарты / сверхкритичность: стойкое убеждение в том, что человек должен придерживаться чрезмерно высоких стандартов работы или поведения.

18. Карательность: убеждение в том, что человек должен быть сурово наказан за предполагаемые ошибки или несоответствие стандартам.

По мнению Янга, люди вырабатывают поведенческие стратегии, которые помогают справиться им с повышенным эмоциональным напряжением, которое вызывается активацией их ранних дезадаптивных схем. Копинг-стратегии можно рассматривать как естественные попытки детей выжить в трудных условиях. К сожалению, эти стратегии продолжают использоваться и во взрослой жизни несмотря на то, что они больше не являются необходимыми для выживания. У взрослых эти стратегии часто приводят к поведению, препятствующему личностному росту, такому как злоупотребление алкоголем, жесткость, упрямство, социальная изоляция, отсутствие эмоциональной связи и плохое обращение с окружающими. Согласно модели, предложенной Янгом, существует три основных способа приспособиться к этим стереотипам несмотря на то, что они обычно не приводят к положительным результатам, а лишь подкрепляют их ранние дезадаптивные схемы [Young, Klosko, Weishaar, 2003]:

1. *Капитуляция* соответствует эволюционной реакции «замри», эта стратегия описывает тенденцию принимать основное послание ранней дезадаптивной схемы как истинное.

2. *Избегание* соответствует эволюционной реакции «бегства», и описывает то, как индивиды организуют свою жизнь таким образом, чтобы их ранние дезадаптивные схемы не запускались.

3. *Гиперкомпенсация* соответствует реакциям «борьбы», т. е. индивид реагирует на активацию схемы атакой, чрезмерной коррекцией или экстернализацией своих ранних дезадаптивных схем. Несмотря на это, данная стратегия может временно помочь индивиду, она также может подкрепить схему, подчеркнув конфликт между поведением человека и лежащими в его основе убеждениями.

Еще одно базовое понятие, входящее в концепцию схема-терапии, называется «режим». Схема-режимы – это временные эмоциональные состояния, которые сочетают в себе схемы человека, копинг-стратегии и текущее эмоциональное состояние в конкретной ситуации. Эти режимы запускаются событиями или ситуациями, которые угрожают чувству безопасности человека и функционируют как сценарии, определяющие его поведение. Хотя режимы являются неотъемлемой частью личности, они также отделены от ее истинного «я», функционируя как роли, которые люди играют. Люди могут переключаться между различными режимами, и возможно, что несколько режимов будут активны одновременно. Некоторые режимы являются полезными и адаптивными, в то время как другие могут считаться дисфункциональными или дезадаптивными.

Режимы можно разделить на четыре основные категории: «неадаптивные детские режимы», «дезадаптивные копинги», которые упоминались ранее, «неадаптивные родительские режимы» и «здоровый детский, взрослый и родительский режим».

Детские режимы включают в себя:

1. *Уязвимый ребенок* – человек чувствует себя беспомощным, нуждающимся, слабым и непонятым. Его потребности не удовлетворяются, и он не знает, как их удовлетворить.

2. *Сердитый ребенок* – человек становится очень раздражительным, когда его потребности не удовлетворяются.

3. *Импульсивный/недисциплинированный ребенок* – человек сосредоточивается на удовлетворении собственных желаний в ущерб своим потребностям, что может привести к эгоистичному или рискованному поведению.

4. *Довольный ребенок* – человек чувствует себя хорошо, когда его потребности удовлетворены и он ощущает любовь и поддержку, радуется жизни.

Родительские режимы включают в себя:

1. *Карательный родитель* – человек реагирует на ошибки активным наказанием себя или других.

2. *Требовательный или критически настроенный родитель* – у этого человека есть набор внутренних стандартов, которых он стремится достичь, настаивая на безупречной работе.

3. *Хороший родитель* – человек понимает и уважает внутренние потребности ребенка, выступая в роли любящего наставника и защитника.

При *здоровом взрослом* режиме человек при необходимости подтверждает, ограничивает, поддерживает и уравнивает другие формы жизни в себе, самостоятелен, ведет здоровый и функциональный образ жизни [Young, Klosko, Weishaar, 2003].

Таким образом, схема-терапия – это особый терапевтический подход, который сочетает в себе различные техники из разных модальностей для устранения дезадаптивных схем индивидуумов, негативных эмоций и детских переживаний. Исследуя первопричины этих схем и удовлетворяя неудовлетворенные эмоциональные потребности, схемная терапия стремится способствовать долгосрочным изменениям и улучшению психического здоровья пациентов.

Схемы и их роль в возникновении депрессивного состояния

Когнитивная теория депрессии и модель, предложенная Янгом, свидетельствуют о том, что при запуске схем люди могут реагировать дезадаптивными копинг-стратегиями, что в свою очередь подкрепляет эти схемы. Например, у ребенка, который был лишен заботы, может активироваться схема депривации. Взрослые люди, которые сталкиваются с такой схемой, могут неосознанно выбирать такие отношения, где избегается высказывание своих эмоциональных потребностей. Некоторые исследования сообщают о том, что взрослые, которые перенесли неблагоприятный детский опыт, имеют меньшие шансы развития депрессии, если их обеспечивают социальной и эмоциональной поддержкой [Brinker, Cheruvu, 2017].

В исследовании Хоук и Провенчера данные свидетельствуют о том, что все показатели в методиках по исследованию ранних дезадаптивных схем у людей с депрессией повышены, но схемы дефектности/стыда и недостаточного самоконтроля являются ключевыми. То, что эти проблемы связаны с депрессией, неудивительно, учитывая, что пункты отражают чрезмерно негативное представление о себе (например, «Я изначально ущербен» и «Когда задачи становятся трудными, я обычно не могу проявить настойчивость и выполнить их») [Hawke, Provencher, 2011].

Реннер и его коллеги в исследовании пришли к выводу о том, что ранние негативные детские переживания косвенно влияют на развитие депрессивной симптоматики, а сами дезадаптивные схемы, в свою очередь, уже напрямую. Получается некий замкнутый круг, что схемы поддерживают сами себя из-за того, что запускают дисфункциональные копинг-стратегии, которые их и подкрепляют [Renner, DeRubeis, Arntz, et al., 2018].

Крупный современный метаанализ Бишоп (2021) показал, все 18 ранних дезадаптивных схем положительно коррелировали с депрессией. Это согласуется с предположением раннее упомянутых Хоука и Провенчера о том, что люди с расстройствами настроения сообщают о более высоких показателях по всему спектр схем, по сравнению с лицами без депрессии. Полученные результаты подтверждают теорию Янга и его коллег о том, что ранние дезадаптивные схемы являются когнитивными факторами риска развития психопатологии, в частности депрессии, во взрослом возрасте. Фактические данные также подтверждают этиологическую модель хронической депрессии, разработанную Реннером, которая идентифицирует ранние дезадаптивные схемы как серьезные факторы риска развития депрессии [Bishop, Pilkington, Younan, 2022].

Кроме того, для депрессии могут быть свойственны руминации («мысленная жвачка») – образ мышления, характеризующийся постоянным и монотонным сосредоточением на негативных мыслях или переживаниях, что в свою очередь может вызывать подкрепление схем [Balsamo, Carlucci, Sergi et al., 2015].

В дополнение к ранним дезадаптивным схемам при депрессии стоит упомянуть о режимах. Для лиц с депрессией наиболее характерен режим «уязвимого ребенка», который связан со схемами покинутости и отчужденности [Basile, Tenore, Mancini, 2018]. Помимо этого, имеет место быть такой режим, как «требовательный родитель», когда у человека слишком завышены ожидания насчет себя, что в свою очередь, при несоблюдении этих стандартов, приводит к разочарованию и страданиям.

Подводя итог данного параграфа, можно утверждать, что ранние дезадаптивные схемы являются самоподдерживающимися и укрепляются с помощью соответствующих межличностных ситуаций и стратегий их преодоления. Например, если человек считает себя каким-то дефектным, он может пойти по пути избегания, что приведет к социальной изоляции, что, в свою очередь, будет подпитывать депрессию.

Методы коррективки схем и их эффективность при лечении депрессии

Схема-терапия использует различные методы и техники для лечения депрессии, нацеливаясь на ранние неадаптивные схемы и модифицируя их. Эти методы направлены на создание более здоровых моделей мышления, эмоциональных реакций и копинг-стратегий, что в конечном счете приводит к улучшению психического здоровья и благополучия. Некоторые из методов и техник, используемых в схематической терапии депрессии, включают:

1. *Психообразование*: просвещение клиентов по поводу схем, их происхождения и их влияния на мысли, эмоции и поведение. Это помогает клиен-

там понять роль схем в депрессии и поощряет их активное вовлечение в процесс терапии.

2. *Когнитивная реструктуризация*: помощь клиентам в выявлении негативных автоматических мыслей, которые часто проистекают из неадаптивных схем, и борьбе с ними. Изучение обоснованности этих мыслей и предоставление альтернативных объяснений может привести к изменениям в образе мышления и ослабеванию депрессивных симптомов.

3. *Эмпирические техники*: использование управляемых образов, ролевых игр и упражнений, ориентированных на эмоции, чтобы облегчить осознание эмоций и их обработку. Это позволяет клиентам исследовать и переосмысливать эмоции, связанные с их схемами, потенциально высвобождая неразрешенную эмоциональную боль.

4. *Ограниченное повторное воспитание*: обеспечение коррекционного эмоционального опыта, которое заключается в предложении клиентам поддержки, заботы и руководства, которых им, возможно, не хватало в детстве. Это помогает выработать более здоровые стратегии совладания и повышает самооценку.

5. *Разрушение поведенческих паттернов*: выявление и изменение дезадаптивного поведения, которое поддерживает схемы и способствует возникновению депрессивных симптомов. Обучение и практика новым коммуникативным навыкам, техникам самоутверждения и методам самоуспокоения могут помочь клиентам принять более здоровое поведение.

6. *Переписывание образов*: поощрение клиентов на исследование своих ранних дезадаптивных схем и связанных с ними воспоминаний, используя упражнения с управляемыми образами. «Переписывая» или изменяя повествование об этих воспоминаниях, клиенты могут начать менять свои взгляды и вырабатывать более адаптивные убеждения.

7. *Техники, ориентированные на эмоции*: помогают клиентам идентифицировать, выражать и регулировать свои эмоции, которые, возможно, были подавлены из-за их неадаптивных схем. Такие техники, как осознанность и упражнения, ориентированные на эмоции, могут помочь улучшить эмоциональное самосознание и регуляцию.

8. *Диалоги по схеме*: использование ролевых игр и диалогов между различными «режимами» схемы или аспектами личности клиента, чтобы понять и устранить конфликты или дисфункциональную динамику внутри индивидуума [Young, Klosko, Weishaar, 2003].

Комбинируя эти методы и адаптируя их к индивидуальным потребностям, схематическая терапия депрессии направлена на устранение ранних неадаптивных схем, помогая клиентам выработать более здоровые модели мышления, эмоциональные реакции и стратегии преодоления, способствующие улучшению психического здоровья и благополучия.

В метаанализе, посвященном конкретно использованию схема-терапии при лечении депрессии, сообщается о том, что наибольшее снижение

показателей депрессии приходится на 15-ю неделю терапии, а наименьшее – на 80-ю неделю, но эти результаты не дают информации о сохранении снижения показателей уровня депрессии. В то время как краткосрочная схема-терапия может обеспечить резкое улучшение, считается, что преимущества долгосрочной схема-терапии могут быть более постоянными. Количество исследований, включенных в этот метаанализ, является одним из ограничений данного исследования. При возникновении этого ограничения количество экспериментальных исследований, которые могут быть проведены в указанный период публикации и в указанных базах данных, невелико, особенно по сравнению с КПТ, так как изначально схема-терапия была создана для терапии личностных расстройств, однако при депрессии также является достаточно эффективной [Körük, Özabacı, 2018].

Таким образом, схема-терапия показала многообещающие результаты в лечении депрессии путем модификации ранних неадаптивных схем. Интегрируя методы когнитивной, поведенческой и психодинамической терапии, схема-терапия устраняет первопричины депрессивных симптомов индивида. Такой комплексный подход способствует выработке более здоровых моделей мышления, эмоциональных реакций и стратегий совладания, что приводит к улучшению психического здоровья и качества жизни. Хотя, возможно, потребуются дальнейшие исследования, чтобы сравнить ее эффективность с другими терапевтическими подходами, схема-терапия продемонстрировала свой потенциал в качестве эффективного вмешательства для людей, борющихся с депрессией.

Список литературы

Balsamo M., Carlucci L., Sergi M. R., Murdock K. K., & Saggino A. The mediating role of early maladaptive schemas in the relation between co-rumination and depression in young adults // PLoS ONE, 2015. Vol. 10. № 10.

Basile B., Tenore K., Mancini F. Investigating schema therapy constructs in individuals with depression // Journal of Psychology and Clinical Psychiatry, 2018. Vol. 5. № 9. P. 214–221.

Bishop A., Pilkington P., & Younan R. Early maladaptive schemas and depression in adulthood: A systematic review and meta-analysis // Clinical Psychology & Psychotherapy, 2022. Vol. 29. № 1. P. 111–130.

Brinker J., & Cheruvu V. K. (2017). Social and emotional support as a protective factor against current depression among individuals with adverse childhood experiences // Preventive medicine reports, 2016. Vol. 5. P. 127–133.

Hawke L. D., & Provencher M. D. Schema Theory and Schema Therapy in Mood and Anxiety Disorders: A review // Journal of Cognitive Psychotherapy, 2011. Vol. 25. № 4. P. 257–276.

Körük S., & Özabacı N. Effectiveness of schema therapy on the treatment of depressive disorders: A meta-analysis // Current Approaches in Psychiatry, 2018. Vol. 10. № 4 P. 460–470.

Leahy R. L. *Emotional Schema Therapy: Distinctive Features* (1st ed.). Routledge, 2018.

Renner F., DeRubeis R., Arntz A., Peeters F., Lobbestael J., Huibers MJH. Exploring mechanisms of change in schema therapy for chronic depression // *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*. 2018. Vol. 58 P. 97–105.

Young J. E., Klosko J. S., & Weishaar M. E. *Schema therapy: A practitioner's guide*. New York: Guilford Press, 2003.

References

Balsamo, M., Carlucci, L., Sergi, M. R., Murdock, K. K., & Saggino, A. (2015). The mediating role of early maladaptive schemas in the relation between co-rumination and depression in young adults. *PLoS ONE*, 10(10). <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0140177>

Basile, B., Tenore, K., Mancini, F. (2018). Investigating schema therapy constructs in individuals with depression. *Journal of Psychology & Clinical Psychiatr*, 9(2), 214–221. <https://doi.org/10.15406/jpcpy.2018.09.00524>.

Bishop, A., Pilkington, P., & Younan, R. (2022). Early maladaptive schemas and depression in adulthood: A systematic review and meta-analysis. *Clinical Psychology & Psychotherapy*, 29(1), 111–130. <https://doi.org/10.1002/cpp.2630>

Brinker, J., & Cheruvu, V. K. (2016). Social and emotional support as a protective factor against current depression among individuals with adverse childhood experiences. *Preventive medicine reports*, 5, 127–133. <https://doi.org/10.1016/j.pmedr.2016.11.018>

Hawke, L. D., & Provencher, M. D. (2011). Schema Theory and Schema Therapy in Mood and Anxiety Disorders: A review. *Journal of Cognitive Psychotherapy*, 25(4), 257–276. <https://doi.org/10.1891/0889-8391.25.4.257>

Körük, S., & Özabacı, N. (2018). Effectiveness of schema therapy on the treatment of depressive disorders: A meta-analysis. *Current Approaches in Psychiatry*, 10(4), 460–470. <https://doi.org/10.18863/pgy.361790>

Leahy, R. L. (2018). *Emotional Schema Therapy: Distinctive Features* (1st ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203711095>

Renner F., DeRubeis R., Arntz A., Peeters F., Lobbestael J., Huibers MJH. (2018). Exploring mechanisms of change in schema therapy for chronic depression. *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*, 58, 97–105. <https://doi.org/10.1016/j.jbtep.2017.10.002>.

Young, J. E., Klosko, J. S., & Weishaar, M. E. (2003). *Schema therapy: A practitioner's guide*. New York: Guilford Press.

Сведения об авторе

Приблуда Алексей Валерьевич, выпускник магистратуры Института медицины и психологии В. Зельмана Новосибирского государственного университета

Information about the Author

Alexey V. Pribluda, Graduate of the Master's program at the V. Zelman Institute of Medicine and Psychology of Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

Материал поступил в редакцию 22.04.2024

The article was submitted 22.04.2024

Информация для авторов

Авторы представляют статьи на русском языке объемом до 1 авторского листа (40 тыс. знаков, шрифт 14, межстрочный интервал 1,5), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм = 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков).

Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором.

Требования к оформлению основного текста и иллюстративных материалов

Порядок оформления рукописи:

УДК 159.9.01

Современные проблемы психологии искусства

Иван Иванович Иванов

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

ivan@g.nsu.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Аннотация на русском языке (150–250 слов)

Ключевые слова на русском языке

Источник финансирования (если имеется)

Название статьи на английском языке

ФИО автора (авторов) на английском языке

Место работы на английском языке (по форме русскоязычного варианта)

Abstract: Аннотация на английском языке

Keywords: Ключевые слова на английском языке

Funding: источник финансирования на английском языке (если имеется)

Основной текст статьи

Список литературы

References: Список литературы на английском языке

Материал поступил в редколлегию

The article was submitted

01.03.2010

Сведения об авторе (без сокращений, на русском и английском языках):
ФИО, ученая степень, ученое звание, должность, место работы, город, страна, e-mail, ORCID, Scopus Author ID, Author ID RSCI и другие коды автора.

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания работы, при необходимости номер страницы, например: [Иванов, 1999. С. 129]. В случае совпадения года издания ему присваивается буквенное обозначение, например: [Иванов, 1999а; Иванов, 1999б]. В конце статьи помещается список литературы в алфавитном порядке. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи). Общее количество страниц для монографии является факультативным элементом и может не включаться в библиографическое описание. Авторские примечания оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы). Библиографические описания на разных языках группируют в два алфавитных ряда: вначале на русском языке или языках с кириллической графикой, затем на иностранных языках.

Образцы составления библиографического описания

1. *Смит Н. В.* Современные системы психологии. СПб.: прайм-ЕВ-РОЗНАК, 2003.

2. *Стиль человека: психологический анализ / Под ред. А. В. Либина.* М.: Смысл, 1998. 310 с.

3. *Ожиганова Г. В.* История психологии: концептуальные подходы и методы исследования // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 3. С. 5–16.

4. *Hearnshaw L. S.* A short history of British psychology, 1840–1940. New York: Barnes & Noble, 1964.

5. *Wardell D. M., Royce J. R.* Toward a multi-factor theory of styles and their relationship to cognition and affect // Journal of Personality. 1978. Vol. 46 (3). P. 474–505.

Иллюстрации (рисунки, черно-белые и цветные фотографии) следует предоставлять в оригинале. Размер изображения не должен превышать 190 × 270 мм. Рекомендуемый размер черно-белых фотографий 100 × 150 мм.

При подготовке иллюстративного материала просим учесть, что к электронным версиям рисунков (только в форматах .gif, .jpg, .tif, .cdr) следует приложить их распечатки высокого качества на белой бумаге. Просим Вас **не изменять исходный электронный формат** создаваемого Вами графического объекта. Рисунки, графики и диаграммы должны быть только черно-белыми, без цветных элементов и мелких (сплошных) заливок. На обороте каждой иллюстрации необходимо написать фамилию автора, усеченное название статьи, номер иллюстрации.

Допускается создание таблиц и диаграмм в MS Word и MS Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Максимальное поле изображения 190 × 270 мм.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста при редакторской правке, должны сниматься авторами в ходе электронной переписки в строго определенные для этого редколлегией сроки. Нарушение сроков ведет к отказу в опубликовании статьи.

Требования к содержанию публикуемых материалов

В журнале «Reflexio» публикуются материалы, соответствующие основным рубрикам журнала:

- методология, теория и история психологии;
- психологические исследования;
- психологический инструментарий;
- психология и Время;
- иностранная психология;
- психология глазами философа.

Публикуются также материалы, содержащие критический обзор ранее не известной или малоизвестной российскому читателю научной психологической литературы.

Статьи иностранных авторов, выполненные на иностранных языках, публикуются по согласованию с автором в переводе на русский язык.

Недопустимо представление в редакцию ранее опубликованных статей, а также рукописей, скомпилированных из цитат и пересказов ранее опубликованных научных работ.

Редакция оставляет за собой право редактирования, сокращения (по согласованию с автором) и адаптации публикуемых материалов к рубрикам журнала.

Все статьи проходят **обязательное рецензирование**, о результатах рецензирования авторы извещаются по указанному адресу электронной почты.

Требования к англоязычному разделу статьи

Аннотация на английском языке не должна быть переводом-калькой с русскоязычной аннотации. В ней должно быть в краткой форме представлено содержание работы, включая следующие пункты:

- цель работы в сжатой форме;
- основные факты, содержащиеся в тексте (при этом важно придерживаться порядка изложения самой статьи);
- текст должен быть связным;
- в аннотации можно выделять структуры пунктами «Purpose», «Design / methodology / approach», «Findings», «Research limitations / implications», «Originality / value».
- объем аннотации на английском языке должен быть порядка 150 слов.

Правила оформления англоязычного списка литературы (References)

Порядок элементов в библиографической ссылке:

– для книг:

Author A. A. (year). Nazvanie [Title of work]. Location: Publisher (in Russ.)

Название книги в транслитерации должно быть выделено курсивом.

– для главы из книги:

Author A. A., & Author B. B. (year). Nazvanie [Title of chapter or entry]. In A. Editor, B. Editor, & C. Editor (Eds.), Nazvanie [Title of book] (pp. xxx-xxx). Location: Publisher (in Russ.)

Название книги в транслитерации должно быть выделено курсивом.

– для статей:

Author A. A., Author B. B., & Author C. C. (Year). Nazvanie [Title of article]. Title of Journal, 10(2), 49–53 (in Russ.)

Курсивом выделяются название журнала и номер тома.

Указание языка публикации (in Russ.) приводится только для русскоязычных источников. Для англоязычных источников указание языка (in Eng.) не требуется.

Название статьи, книги, главы дается в транслитерации и переводится на английский язык. Название журнала или сборника статей дается в транслитерации (но не переводится).

Город издания переводится, издательство дается в транслитерации.

Пример:

Badiev I. V. (2013). Gendernye i vozrastnye osobennosti emotsional'no-volevykh svoistv podrostkov [Gender and aged-specific peculiarities of emotional and volitional characteristics of adolescents]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Psihologija*, 7(1), 70-81 (in Russ.).

Для транслитерации названий рекомендуем использовать сайт <http://translit.ru/> (вариант транслитерации Библиотеки Конгресса (LC)).

Доставка материалов

Представляемые в редакцию материалы можно передать лично (ауд. 3110, главный учебный корпус НГУ) или переслать по электронной почте или традиционной почтой.

Адрес редакционной коллегии журнала Reflexio: Новосибирский государственный университет, Институт медицины и психологии, ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: (383) 363 40 26

E-mail: reflexio@nsu.ru

Журнал распространяется по подписке, подписной индекс 81563 в каталоге ОАО «Роспечать».

Сроки выхода журнала в свет с 2008 года – июнь, декабрь.